

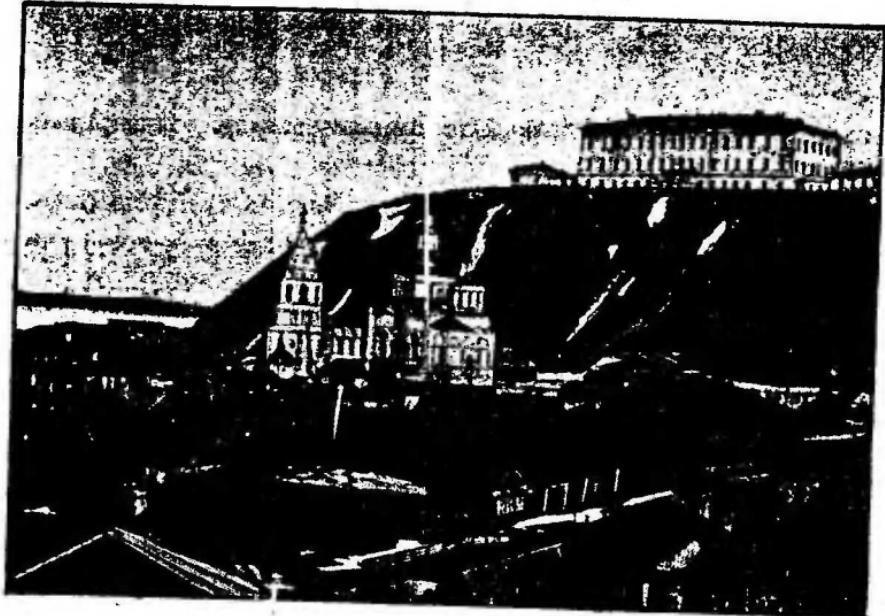
K26.89(253.3)

3-30

Западная Сибирь
сост. М.Петров
Москва - 1908

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ПРИ УЧЕБНОМЪ ОТДѢЛѢ ОБЩЕСТВА
РАСПРОСТРАНЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХЪ ЗНАНИЙ.

ЗАПАДНАЯ — — СИБИРЬ.

Съ рисунками.

Цѣна 40 коп.

1 - Б | Н - КР
Сост. М. ПЕТРОВЪ.
Г СУРГУТСКАЯ Г
ИЗДАНІЕ Т-ВА Д. СЫТИНА.

ИШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:
РУССКАЯ ИСТОРИЯ ВЪ КАРТИНАХЪ.
КАРТИНЫ ВЪ КРАСКАХЪ СЪ ТЕКСТОМЪ.

Составл. подъ редакціей

Истор. Ком. Учеби. Отд. Общ. Распр. Техн. Зн.

въ всехъ частяхъ принимаетъ ближайшее участіе

Н. А. НАСАТНИНЪ.

ОТПЕЧАТАНЫ СЛѢДУЮЩІЕ ЛИСТЫ:

- Листъ I. **Начало Руси.** 3 картины: 1) Торгъ. 2) Печенѣгъ въ степи.
3) Убийство Аскольда и Дира.
- Листъ II. **Первые князья.** 3 картины: 1) Полоцк. 2) Свиданіе Свято-
го Владимира съ Ильиной. 3) Погребеніе знатнаго русса.
- Листъ III. **Крещеніе Руси.** 3 картины: 1) Праздникъ Купалы. 2) Убіеніе
Богдана Борисовича. 3) Крещеніе киевлянъ.
- Листъ IV. **Татарская неволя.** 3 картины: 1) Владимирское разореніе.
2) Монголы въ Ордѣ. 3) Иоаннъ III топчетъ басму.
- Листъ V. **Александръ Невский.** 4 картины: 1) Ледовое побоище.
2) Погонь кардиналовъ. 3) Александръ въ Ордѣ. 4) Постриженіе
Святителя Никонаго.
- Листъ VI. **Возьмашеніе Москвы.** 4 картины: 1) Софья Витовтовна.
2) Дмитрий Донской у свят. Сергія. 3) Куликовская битва. 4) Москва
предъ Иоаннъ III.
- Листъ VII. **Новгородъ Великий.** 4 картины: 1) Новгородская торговля.
2) Илье. 3) Ушкуйники. 4) Паденіе Новгорода.
- Листъ VIII. **Иоаннъ IV Грозный.** 4 картины: 1) Рѣчь Иоанна къ народу.
2) Взятие Казани. 3) Смерть митрополита Филиппа. 4) Завоеваніе Сибири.
- Листъ IX. **Борисъ Годуновъ.** 4 картины: 1) Отказъ Бориса отъ пре-
стола. 2) Убіеніе царевича Димитрия. 3) Борисъ разсматриваетъ
карту. 4) Постройка въ Кремлѣ при Борисѣ Годуновѣ.
- Листъ X. **Смутное время.** 3 картины: 1) Сверженіе самозванца. 2) Рѣчь
Минина. 3) Осада Троицкой лавры.
- Листъ XI. **Царский обходъ.** 4 картины: 1) Выборъ невѣсты. 2) Выходъ
изъ Богомолья. 3) Прѣмъ пословъ. 4) Соколиная охота.
- Листъ XII. **Алексѣй Михайловичъ.** 4 картины: 1) Соборное уложеніе.
2) Запорожцы. 3) Алексѣй Михайлов. и Никонъ. 4) Бояр. Морозова.
- Листъ XIII. **Юность Петра Великаго.** 4 картины: 1) Обученіе Петра
шлютрапами. 2) Потѣхи Петра. 3) Казнь стрѣльцовъ. 4) Петръ въ
Голландіѣ.
- Листъ XIV. **Царствованіе Петра Великаго.** 4 картины: 1) Шолтавскій
бой. 2) Ассамблея. 3) Царевичъ Алексѣй. 4) Экзаменъ новика.
- Листъ XV. **Екатерина II.** 4 картины: 1) Актъ въ Академіи. 2) Екатерина
II у Покровска. 3) Судъ Пугачова. 4) Суворовъ.
- Листъ XVI. **Отечественная война.** 3 картины: 1) Советъ въ Филяхъ.
2) Наполеонъ въ Кремлѣ. 3) Старостиха Василиса.
- Листъ XVII. **Александръ II.** 3 картины: 1) На войну. 2) Чтеніе мани-
феста. 3) Торгъ.
- Листъ XVIII. **Александръ II.** 3 картины: 1) Дѣлтели освобожденія. 2) На
войну. 3) Гласный судъ.

Цѣна каждого листа **20** коп.

Издание Т-ва И. Д. Сытина.

Географическая Комиссія при Учебн. Отдѣлѣ Общ. Распр. Техн. Знаній.

Западная Сибирь.

Губ. ТОБОЛЬСКАЯ и ТОМСКАЯ.

СОСТАВИЛЪ
М. Петровъ.

Гипографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ
МОСКВА.—1908.

О присоединеніи Сибири и ея прошломъ.

Западная Сибирь лежить рядомъ съ Европейской Россіей, на востокъ отъ Уральскихъ горъ. Она занимаетъ сравнительно небольшую часть нашихъ огромныхъ азіатскихъ владѣній. Всѣ русскія земли въ Азіи извѣстны подъ однимъ общимъ названіемъ Сибирь. Слово „Сибирь“ произошло, вѣроятно отъ одного маленькаго народца „сывири“ или „сыбіръ“, который когда-то очень давно пришелъ изъ Монголіи и поселился на рѣкѣ Иртышъ, гдѣ теперь Тобольская губернія. Потомъ этотъ народецъ совершенно исчезъ, и память о немъ осталась въ названіи большого татарского города Сибирь (Искерь), гдѣ жили въ старину татарскіе ханы. Теперь и отъ этого города слѣда не осталось. Нѣкоторые предполагаютъ, что Сибирь обозначаетъ испорченное слово „сѣверье“, т.-е. страна, лежащая къ сѣверу отъ Московскаго царства, какъ говорили въ старину на Руси.

Раньше намъ Сибирь не принадлежала. Русскіе постепенно, послѣ долгихъ и часто страшно кровопролитныхъ войнъ съ инородцами, овладѣвали одной сибирской мѣстностью за другой и пр. эникали на востокъ все дальше.

Начало этого покоренія относится къ глубокой старинѣ. Древніе лѣтописцы говорятъ въ своихъ записяхъ, что еще въ 1032 году предпріимчивые новгородцы ходили за Ураль къ востоку, т.-е.

иъ теперешнюю Сибирь, и торговали тамъ. Но новогородцы не столько торговали, сколько промышляли оружіемъ среди мѣстного населенія — „югровъ“, которое было богато золотомъ и пушниной, какъ тогда говорилось, „мягкой рухлядью“. Но однако набѣги прекратились послѣ того, какъ пришли татары, заняли югорскія земли и даже побѣдили русскихъ, обложивъ ихъ тяжелою данью. Югорское племя ушло отъ татаръ на сѣверъ. Но когда въ 1480 году татарская власть надъ Русью пала, снова потянулся народъ на востокъ, за Уралъ.

Этимъ движеніемъ однако руководила не царская власть. Прослышавъ про богатства въ нѣдрахъ Урала и про пушнину Сибири, купцы и всякие другие предпримчивые люди добровольно старались проникнуть въ новые края. По эту сторону уральскихъ горъ, въ теперешней Пермской губ., строились земледѣльческие и торговые поселки. Нѣкоторые изъ нихъ отгораживались и превращались въ крѣпостцы. Отсюда русские люди ходили къ сибирскимъ инородцамъ „торговать“; ихъ торговля скорѣе походила на разбой, и потому всѣ инородцы: вогулы, остыки, черемисы и татары, — защищались отъ купцовъ оружіемъ и даже сами нападали на нихъ. При Ioанѣ IV по Уралу основались братья Строгановы. Имъ московскіе цари предоставили огромную власть надъ всѣмъ мѣстнымъ населеніемъ: судить, казнить по своему произволу и даже держать собственныхъ войска.

Такими наемными дружинами были казаки. Составились они изъ русскихъ бѣглецовъ, которыхъ невтериежъ были тогдашніе порядки: на силія воеводъ и бояръ, высокіе налоги. Ища

свободы, они уходили въ черноморскія степи и на Донъ. Тамъ жили они почти независимо и вольно. Казаки частью разбойничали, грабя московскихъ купцовъ, частью совершили постоянные набѣги на татаръ. Всю свою жизнь они проводили въ бояхъ и, научившись владѣть оружіемъ, превратились въ прекрасныхъ, храбрыхъ воиновъ.

Окончательное покореніе Сибири началось съ походовъ дружины братьевъ Строгановыхъ. Въ то время за Ураломъ сидѣло нѣсколько татарскихъ князьковъ, которые правили самостотельно. Въ каждомъ городѣ былъ свой царекъ: въ Тюмени, въ Туринскѣ — и такъ далѣе. Но самый сильный жилъ въ городѣ Сибирь или Искерь, стоявшемъ недалеко отъ теперешняго Тобольска. Звали этого воинственнаго хана Кучумомъ. Онъ былъ особенно беспокойнымъ сосѣдомъ братьевъ Строгановыхъ.

Въ концѣ концовъ Строгановы рѣшили двинуться за Уральскія горы вглубь на востокъ, чтобы сильнѣе поразить своего врага. Для этого кликнули купцы кличъ среди казаковъ, опустошившихъ въ то время берега Дона и Волги. Отклинулись на призывъ Ермакъ Тимофеевъ и Иванъ Кольцо и вмѣстѣ съ тремя другими атаманами подняли знамя на Волгѣ; собрали изъ удалой вольници дружину въ 850 человѣкъ и явились къ Строгановымъ. Хоть небольшое вѣйско, но вооружено было ружьями и даже двумя пушками. Татары же и инородцы владѣли только стрѣлами и копьями. Нагрузили казаки сорокъ струговъ и подъ начальствомъ Ермака съ веселыми пѣснями поплыли вверхъ по рѣкѣ Чусовой къ дикимъ Уральскимъ скаламъ. Бездѣ разбивая враждебныя племена, перетаскивая свои суда изъ рѣки въ рѣку, добрались казаки до рѣки Иртыша, къ городу

Сибирь. Кучумъ не хотѣлъ отдавать своей столицы безъ упорного сопротивленія. Онъ прочно засѣлъ въ городскихъ укрѣпленіяхъ съ многочисленными татарскими ордами.

Сначала казаки поколебались и хотѣли отступить. Но Ермакъ употребилъ всю силу своего вліянія на товарищевъ и убѣдилъ принять бой. Битва была жестокая. Татары осыпали казаковъ тучами стрѣль, проявили отчаянную храбрость, но не устояли предъ дружиной Ермака и ея огнестрѣльнымъ оружіемъ. Кучумъ и его войско бѣжало, а Ермакъ вошелъ въ опустѣвшую столицу. Совершилось это завоеваніе 23 октября 1582 г.

Ермакъ пошелъ дальше. Онъ не былъ жестокимъ завоевателемъ, и многія изъ покоренныхъ племенъ самі оказывали ему поддержку. Казаки проникли до береговъ Оби. Въ августѣ 1584 года Ермакъ съ товарищами попалъ въ засаду. Кучумъ со своими татарами ночью перерѣзъ всю казацкую дружину. Погибъ и Ермакъ, утонувъ въ бурныхъ водахъ Иртыша. Но со смертью Ермака движение казаковъ на востокъ не прекратилось. Всѣхъ притягивала къ себѣ слава о сибирскихъ богатствахъ, и непрерывно шелъ русскій народъ въ неизвѣдомыя страны. Впереди были промышленники - казаки, а за ними двигались уже царскія дружины и строили крѣпости, „остроги“. Безъ нихъ трудно было обойтись въ только что покоренной странѣ, гдѣ инородцы всѣми силами сопротивлялись написку русскихъ, несшихъ имъ смерть и разореніе.

Въ концѣ-концовъ хозяева Сибири ничего не могли подѣлать съ непрерывнымъ русскимъ движениемъ. Можно было разбить казаковъ или царскую дружину, но со всѣмъ русскимъ народомъ,

потянувшимся на востокъ, бороться было не подъ силу. И покорились инородцы. Постепенно изъ крѣпостей выросли города. Такъ образовались Тобольскъ, Томскъ, Туинскъ, Каинскъ и другіе. Началось „мирное“ завоеваніе новаго края. Изъ Россіи бѣжали въ Сибирь всѣ недовольные, обездоленные и притѣсняемые. Бѣжали безъ конца. Тутъ были раскольники, которыхъ преслѣдовали за вѣру, крѣпостные, ушедшіе отъ тяжелой рабской жизни, и много - много другихъ бѣглецовъ. Но московское правительство не любило этого самовольнаго переселенія и старалось всячески его задержать. Вместо него оно перевозило крестьянъ цѣлыми семьями и обществами „добровольно“, т.-е. не спрашивая даже ихъ согласія. Въ Сибирь ссылали изъ Россіи въ наказаніе за различныя преступленія, устроили тамъ каторгу, превративъ острожки въ тюрмы.

Кромѣ преступниковъ, ссылались на сѣверъ и востокъ всѣ тѣ, кто былъ не угоденъ правительству. Были тутъ разжалованые сановники и придворные, были плѣнныи иностраницы, были крестьяне, ссылаемые своими помѣщиками. Особенно много потомъ пошло политическихъ ссыльныхъ. Политические ссылались за то, что были недовольны существующими порядками и требовали реформъ, полезныхъ народу.

Въ 1825 году Николай I отправилъ въ западную и восточную Сибирь первыхъ застуپниковъ народа — декабристовъ. Они рѣшились требовать отмены крѣпостного права, ограниченія власти чиновниковъ, конституціи и многаго того, что только недавно отчасти оказалось исполнено. Декабристы знали, что у нихъ нѣтъ силъ бороться противъ притѣснителей, но пожертвовали собою

за благо народное. Пять изъ нихъ: Рылѣевъ, Нестель, Муравьевъ, Бестужевъ и Коховскій были казнены. Болѣе ста человѣкъ оказались въ Сибири. Живя въ пустынныхъ и тогда почти еще не заселенныхъ краяхъ, они привнесли этимъ молодымъ владѣніямъ Россіи много пользы своими свѣдѣніями и своими выдающимися способностями. Декабристы учили дѣтей, просвѣщали взрослыхъ, разводили новые огородные овощи, придумывали пѣкоторыя простыя и полезныя для края машины. А. С. Пушкинъ, бывшій другомъ пѣкоторыхъ изъ осужденныхъ, послать имъ въ Сибирь свое стихотвореніе. Въ немъ поэтъ говорилъ:

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье,
Не пропадеть вашъ скорбный трудъ,
И душъ высокое стремленье...
Придетъ желанная пора,
Оковы тяжкія надутъ,
Темницы рухнутъ, и свобода,
Васъ примѣтъ радостно у входа.

Всльдъ за декабристами потянулся въ ссылку бесконечный рядъ другихъ борцовъ, жертвовавшихъ своею свободой и даже жизнью за народное счастье. Всѣ они свято хранили въ своихъ сердцахъ память о первыхъ мученикахъ-декабристахъ!

Новые обитатели Сибири, всѣ эти переселенцы и ссылочные, съ течениемъ времени начали двигаться дальше на востокъ и сѣверъ, вынуждаемые невыносимо тяжелыми порядками, установленными съ проникновенiemъ въ Сибирь правительства чиновниковъ и властей. Царскіе воеводы и другие представители правительства допускали такія злоупотребленія властью, обла-

гали народъ такими налогами, повинностями и взятками, совершили такія насилия и несправедливости надъ мѣстнымъ населеніемъ, что безобразное поведеніе чиновничества стало чѣмъ-то обычнымъ, вошло въ поговорку. Народъ, только что ушедшій отъ произвола русскихъ властей, спова былъ принужденъ сниматься съ мѣста и итти дальше. Тогда воеводы, чувствуя, что Сибирь разбѣгается, начали жестоко преслѣдовывать уходящихъ наравнѣ съ раскольниками.

Сибирскимъ воеводамъ представлялись огромные полномочія и власть. Они неограниченно завѣдывали всѣми частями управления: войскомъ, судомъ, сборомъ; налогомъ съ инородцевъ (яскомъ), ссыльными и т. д.; кроме того, имъ поручались промышленные казенные монополіи: торговля виномъ, табакомъ, ревенемъ, мѣхами, слоновой костью и пр. Простору и случаевъ для грабежа за счетъ населенія было много. Сибирскіе правители часто не исполняли царскихъ приказовъ, конфисковывали въ свою пользу имущества состоятельныхъ жителей, заточали въ тюрьмы, пытали, казнили кого хотѣли безъ суда и слѣдствія. „Нигдѣ самовластье не достигало такихъ отвратительныхъ формъ и разиѣровъ, какъ въ Сибири“, говоритъ ся историкъ. Правители держали себя какъ цари, окруживъ пышностью и почестями. Роскошные пиры и дворцы, богатыя приношенія и взятки, парадные конвои, гайдуки, торжественные встречи со стрѣльбой изъ пушекъ, даже царскіе троны и требованіе предъ собой колено-преклоненія сопровождали „правленіе“ этихъ деспотовъ.

Когда безобразія чиновниковъ превышали всякую мѣру, и, наконецъ, вѣсти о нихъ доходили до

правительства, посылались ревизии, наводились следствия. Часто и они ни къ чему не приводили, такъ какъ ревизоры и следователи сами или на всевозможныя продѣлки, брали взятки и доносили о всеобщемъ благополучіи. Но когда преступленія открывались, правительство для борьбы съ ними принуждено бывало прибегать къ самымъ суровымъ мѣрамъ. Напримѣръ, при Петрѣ I воеводъ и другихъ местныхъ администраторовъ, уличенныхъ въ преступленіяхъ, ссылали на каторгу, били кнутами, рвали ноздри, рубили головы. Но даже эти мѣры не помогали: настолько чиновничество оказывалось развращеннымъ предоставленною ему властью. Дѣло доходило до того, что иногда правительство смыщляло и наказывать всѣхъ зарвавшихся агентовъ могло лишь съ помощью вооруженной силы, такъ какъ воеводы отказывались подчиняться и оказывали сопротивленіе.

Такъ заселялась Сибирь людьми самыми разнообразными: отъ каторжниковъ-убийцъ до честныхъ героевъ, защитниковъ народной свободы включительно.

Что же это за страна, куда издавна тянутся народъ и правительство? Много о ней писали и говорили, но до сихъ поръ всей еще подробно не изучили.

Сибирь въ разныхъ концахъ различная; поэтому про нее и ходятъ различные, часто разног҃рѣчные слухи. Заѣзжие люди изъ Россіи попадали въ какую-нибудь одну часть, отисывали се, а выходило, какъ будто и вся Сибирь такова. То оказывалось, что тамъ не земля, а берега кисельные, не рѣки, а молочныя струи. То рассказывали, что Сибирь—это кромѣшины лѣса и

болотистыя пространства подъ вѣчнымъ снѣжнымъ покровомъ, гдѣ трещать лютые морозы, гудить выюга, да дикий звѣрь гуляетъ на просторѣ. Не мало повредила славѣ о Сибири каторга и ссылка. Всѣхъ пугали разсказы о тѣхъ мученіяхъ, которымъ подвергаются ссыльныхъ, пугали рѣки слезъ и крови народной, пролитыя въ этихъ далекихъ и чужихъ краяхъ. Само название „Сибирь“ казалось ужаснымъ, проклятымъ словомъ, обозначавшимъ мученіе. Одинъ изъ русскихъ помѣщиковъ даже называлъ Сибирью пустынное мѣсто въ Тверской губерніи, куда онъ ссылалъ для наказанія своихъ крѣпостныхъ.

Понемногу русскіе стали знакомиться со своими азіатскими владѣніями.

Съ 1891 года начала строиться изъ Россіи на востокъ, чрезъ Уральскія горы, желѣзная дорога, проходящая чрезъ всю Сибирь. Великій сибирскій путь протянулся на 8.000 верстъ, имѣя 45 большихъ мостовъ. Быстро отстроилась желѣзная дорога и стоила очень дорого—850.000.000 рублей. Во время работъ было много всякихъ неудачъ, перестроекъ и злоупотребленій.

Съ тѣхъ поръ, какъ по великому сибирскому пути открылось движеніе, прошло 6 лѣтъ, но уже многое въ порядкахъ и въ хозяйствѣ Сибири успѣло измѣниться. Въ будущемъ ее ожидаютъ еще большія перемѣны. Теперь же Сибирь стоитъ на границѣ между своей старой и новой исторіей.

Судьба Сибири тѣсно связана съ судьбой всей Россіи. Недостатки нашей родины отражаются съ особой силой на окраинахъ; ея обновленіе будетъ обновленіемъ и для окраинъ. Знаменитый географъ и ученый Э: Реклю писалъ:

„Какова будетъ въ исторіи роль, которая выпадеть на долю Сибири, трудно сказать, но она зависить всецѣло отъ Россіи. Будущее же Россіи еще темно. Ея штыки и пушки и полицейской произволъ внутри не даютъ радужныхъ надеждъ, потому что не толпой вооруженныхъ людей измѣряется вліяніе народовъ въ общемъ ходѣ человѣческаго развитія, а измѣряется количествомъ законовъ справедливости, труда и жертвъ, принесенныхъ на пользу народнаго развитія и свободы!“ *).

Русскій народъ теперь проснулся; онъ началъ борьбу за свое обновленіе и освобожденіе отъ оковъ произвола. Будущее Россіи уже не такъ темно, а вмѣстѣ съ нею, значитъ, и будущее Сибири.

*) Э. Реклю. „Азіатская Россія“, стр. 697.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ.

Азіатская Россія. Западная Сибирь, ея население, поверхность, рѣки и природа.

За Уральскими горами, которыя зубчатою стѣною высятся на востокѣ Европейской Россіи, начинается Азія. Это огромная земля, въ $4\frac{1}{2}$ раза больше Европы.

Уральскія горы, по которымъ идеть граница между Европой и Азіей, не велики; самыя высокія вершины едва достигаютъ полутора верстъ. Въ двухъ мѣстахъ, тамъ, где горный хребетъ понижается и образуетъ какъ бы проходъ или ворота, проложены желѣзныя дороги. Сѣверный путь лежитъ чрезъ городъ Екатеринбургъ на Тюмень, откуда по сибирскимъ рѣкамъ уже ходятъ пароходы; южный—это великий сибирскій путь. Чрезъ всю Россію идетъ желѣзная дорога на востокъ. Изъ Москвы и Петербурга чрезъ Самару и Челябинскъ въ Курганскъ и дальше; отъ Уральскихъ горъ она идетъ сначала почти по прямой линіи, а потомъ извивается змѣй чрезъ горы, рѣки и озера, вплоть до самого Великаго океана, на протяженіи 8.000 слишкомъ верстъ.

Когда поѣздъ желѣзной дороги, пыхтя и вздрогивая, медленно подымается къ перевалу по склонамъ Уральского хребта, на которомъ ле-

жить граница между Азіей и Европой, то пасажиры съ любопытствомъ выглядываютъ изъ оконъ и толпятся на площадкахъ вагоновъ. Кругомъ виднѣются волнистые горы, высится одинокіе утесы, обросшіе щетинистымъ лѣсомъ пихть и елей. Хоть и красиво, но однообразно, темно и мрачно. А если ъдешь осенью, то сѣреое небо и хмурыя тучи покрываютъ горы и брызжутъ мелкимъ частымъ дождикомъ. Картина еще унылѣе. Зимою лѣсь и горы покрываются покровомъ кристальнаго снѣга... Вотъ поѣздъ на перевалѣ. Стоять столбы; на нихъ написано съ одной стороны Европа, съ другой—Азія. А кругомъ тѣ же горные вершины и лѣсь! Слоны сразу становятся круче, и поѣздъ быстро скатывается внизъ, то скрываясь въ горныхъ выемкахъ, то снова появляясь на поверхности горъ; онъ уже въ Азіи. Такъ проѣзжаемъ границу двухъ разныхъ частей свѣта, двухъ разныхъ міровъ. Большой перемѣзы не замѣтно. Кругомъ, послѣ скалъ и лѣсовъ, идутъ знакомыя поля и „российскія“ лица, только деревни попадаются навстрѣчу уже иная, съ большими постройками и относительно довольнонымъ видомъ, къ какому мы не привыкли у себя на родинѣ.

Послѣ Уральскихъ горъ не сразу начинается Сибирь. Поѣздъ еще нѣкоторое время идетъ по Оренбургской губ., часть которой вмѣстѣ съ частью Пермской заходить къ востоку за Уральскій хребтъ. Только послѣ города Тюмени на сѣверѣ и Курганска на югѣ начинается Сибири. Такимъ образомъ географическое дѣленіе между Европейской и Азіатской Россіей по Уралу не совпадаетъ съ административнымъ, т.-е. съ дѣленіемъ по управлению.

За Уральскимъ хребтомъ, гдѣ-нибудь на равнинахъ Иртыша и Оби или на холмистыхъ берегахъ Томи, замѣтно чувствуется разница въ людяхъ: другой говоръ, другой обычай, новый характеръ во всемъ. Сибиряки—большіе патріоты, глубоко любящіе свою родину и гордящіеся ею. Россію они считаютъ для себя страной совершенно чужой. Въ разговорахъ постоянно слышно: „у васъ въ Россіи“ и „у насъ въ Сибири“.

Русскія владѣнія въ Азіи занимаютъ всю ея сѣверную часть. Отъ Уральскихъ горъ на востокъ, на разстояніе 7.500 верстъ вплоть до Тихаго океана, и отъ Ледовитаго океана на югъ, на 2.500—3.000 верстъ до средней Азіи и Китайской имперіи, все это принадлежитъ Россіи. Это необъятное пространство представляетъ изъ себя площадь въ 12.400.000 кв. верстъ. Чтобы ясно представить себѣ огромную величину Азіатской Россіи, достаточно сказать, что она равняется тринадцатой части всей суши ея земномъ шарѣ и въ 25 разъ превосходитъ Германію. Такъ какъ Сибирь тянется отъ 45° до 77° сѣверной широты и отъ 60° до 190° восточной долготы, то она проходитъ чрезъ различныя полосы климата и природы.

Сибирь дѣлять на нѣсколько частей: Степную область, Западную Сибирь, Восточную Сибирь и Амурскую область. Мы займемся здѣсь самой западной частью, нашей ближайшей сѣдкой за Уральскими горами.

Западная Сибирь среди всѣхъ частей Азіатской Россіи больше другихъ походить на сосѣднія русскія губерніи: Архангельскую, Вологодскую, Пермскую и Уфимскую, судя по тому, на какой широтѣ лежать ея различныя мѣста. Климатъ

Западной Сибири очень близокъ къ климату этихъ губерній, только онъ континентальнѣе, т.-е. разница между лѣтнимъ тепломъ и зимними морозами рѣзче, а дождей и снѣга вообще выпадаетъ меньше, чѣмъ въ сосѣднихъ мѣстахъ Европейской Россіи.

Къ восточнымъ склонамъ Уральского хребта прилегаетъ обширная равнина; это западно-сибирская низменность. Отъ Урала тянется она на 1.500 верстъ до береговъ р. Енисея. На сѣверѣ низменность омывается волнами Ледовитаго океана, на югѣ она примыкаетъ къ киргизскимъ степямъ, а въ юго-восточномъ углу ея, на границѣ съ Китаемъ, стоять Алтайскія горы.

Отъ китайской границы цѣпи этихъ горъ ползутъ во всѣ стороны, переплетаясь въ безпорядкѣ другъ съ другомъ! Среди нихъ часто бѣлѣютъ вершины съ шапкой вѣчнаго сиѣга; оттуда сбѣгаются чистыя горныя рѣчки; быстро несутся онѣ въ скалистыхъ берегахъ, часто превращаясь въ пѣнящіеся водопады или вливаясь въ красивыя, спокойныя горныя озера. Съ алтайскихъ вершинъ спадаютъ главныя рѣки Западной Сибири.

Выходя изъ горнаго царства, рѣки текутъ по плоской съ волнистыми холмами западно-сибирской низменности; дальше къ сѣверу, на ихъ течениі, уже не встрѣчается ни горъ ни скаль. Земля рыхлая. Изрѣдка, по берегамъ большихъ рѣкъ, валиются валуны, занесенные съ вершинъ Алтая весеннимъ потокомъ. Эта низменность — одна изъ самыхъ большихъ на всемъ земномъ шарѣ; съ юга отъ Алтайской возвышенности она постепенно опускается къ Сѣверному Ледовитому океану такъ постепенно, что вода слѣдуетъ въ рѣкахъ и застываетъ въ болотахъ.

Когда-то Сибирь была дномъ большого моря, заходившаго на югъ до Алтайскихъ горъ. Алтай представлялъ тогда изъ себя скалистый полуостровъ. На дно постоянно осаждался иль и другіе морскіе осадки. Дно понемногу подымалось, вода уходила въ новые мѣста, и изъ безбрежнаго моря появилась земля. До сихъ поръ продолжается медленное поднятіе дна; заливы Чедовитаго океана отступаютъ къ сѣверу, обнажая берега, оставляя послѣ себя озера. Въ глубокую старину ¹⁾ весь Алтай былъ покрытъ огромными спѣговыми полями и ледниками, изъ которыхъ вытекло потомъ такъ много воды, что она наполнила собою многія углубленія равнины, образовавъ прѣсныя озера и рѣки. Другія озера остались послѣ ушедшаго моря. Озера, находясь въ сухомъ степномъ климатѣ, теряютъ обыкновенно чрезъ испареніе больше влаги, чѣмъ ее получаютъ; въ такихъ случаяхъ происходитъ усыханіе и обмелѣніе озеръ. Во всякой водѣ присутствуютъ соли, даже въ прѣсной на вкусъ; но обнаружить соли, находящіяся въ небольшомъ количествѣ, можно только при помощи очень точнаго изслѣдованія, осолоненіе озеръ, не имѣющихъ стековъ, происходитъ оттого, что изъ почвы постоянно вымываются соли и съ водой потѣдаются въ водоемъ, непрерывно увеличивая количество его соляного запаса. Во время усыханія озера и его обмелѣнія первоначальный незначительный запасъ соли становится все болѣе и болѣе замѣтнымъ, такъ какъ разбавляется уже

¹⁾ Сколько тысячелѣтій тому назадъ существовалъ этотъ такъ называемый „ледниковый периодъ“, точно указать невозможно, но ученые предполагаютъ, что для сѣвернаго полушарія ледниковый периодъ долженъ быть отнесенъ лѣтъ на 80.000 назадъ, по крайней мѣрѣ.

меньшимъ количествомъ воды. Такимъ образомъ происходит постепенное осолоненіе водоемовъ.

Усыхаютъ не только озера, но и рѣчки. На мѣстахъ остаются тростниковые „займища“. Усыханіе происходитъ и периодическое и постоянное.

Озера часто подвергаются заболачиванию. Озеро зарастаетъ и покрывается торфомъ; вода въ такихъ заросшихъ озеркахъ становится мутной отъ отмершихъ частицъ растеній. Благодаря муты вода быстрѣе прогрѣвается и обильнѣе испаряется; озеро отъ усиленного испаренія, съ одной стороны, отъ заполненія торфомъ съ другой, меняеть, уменьшается. Даже послѣ дождливыхъ, „смочныхъ“ лѣтъ такое заболоченное озеро не возстановляетъ своихъ прежнихъ границъ и продолжаетъ исчезать. Вода непроточныхъ озеръ богата питательными частицами для водяныхъ растеній; отъ этого и зависитъ быстрое заростаніе озеръ Сибири.

Въ сѣверныхъ частяхъ низменности и въ полосѣ, поросшей лѣсомъ, влаги такъ много, а уклонъ такъ незамѣтенъ, что иногда на сотни верстъ залегли болота вперемежку съ маленькими и неглубокими озерами. Застоявшаяся вода безъ стока въ некоторыхъ мѣстахъ загниваетъ, отравляя воздухъ. Рѣчки, выходящія изъ такихъ гнилыхъ болотъ, несутъ съ собою испорченную воду, въ которой рыба не можетъ выжить и умираетъ. Поэтому, несмотря на то, что въ средней и сѣверной части Западной Сибири влаги слишкомъ много, людимъ воды иногда не хватаетъ.

Многоводныя сибирскія рѣки по веснѣ широко разливаются на всѣ стороны, покрывая низменность часто на несколько верстъ. Сибирскіе раз-

и вымываютъ такъ обильны водою по слѣдующимъ причинамъ: на югѣ, въ верхнемъ теченіи рѣкъ, гдѣ наступаетъ раньше, чѣмъ въ сѣверныхъ таѣньяхъ, и здѣсь образуется пробка изъ крѣпкаго льда непронутаго весеннимъ тепломъ льда въ то время, когда наверху ледъ стаяль, и мчатся съ горъ и отовсюду въ море вешняя воды; имъ стокъ прегражденъ, и онъ всей своей массой устрем-

Видъ на озеро Большое.

лиются на прибрежные низины, размывая поля и пашни, засоряя ихъ иломъ. По широкимъ сибирскимъ рѣкамъ иногда проносятся бури. Какъ живыя пѣнятся тогда огромныя волны и хлещутъ о берега; въ это время много гибнетъ народу, особенно рыболововъ-инородцевъ, плавающихъ на грубыхъ, неустойчивыхъ челнокахъ. Самая большая рѣка Обь составилась изъ двухъ горныхъ алтайскихъ рѣчекъ, слившихся вмѣстѣ.

Онъ называются Бія и Катунь и значать на мѣстномъ языкѣ „женщина“ и „мужчина“. Всю равнину съ юга на сѣверъ прорѣзываетъ собою Обь. Кругомъ со всѣхъ сторонъ въ нее сливаются все новые и новые притоки; самый большой и широкій изъ нихъ, Иртышъ, самъ принимающій не мало большихъ и малыхъ рѣкъ, Тоболь съ рѣкою Тавдой и Турой, Ишимъ, Омь. Кромѣ того, въ Обь втекаютъ рѣки Томь, Кеть, Вахъ. Мягкій грунтъ сибирской низменности не выдерживаетъ многоводной Оби, и на нижнемъ, даже на среднемъ ея течениіи образуются протоки. Ея ширина въ нижнемъ течениіи съ протоками dochoditъ до 30—40 верстъ, а глубина 10—15 саженъ. Протоки образуются и на другихъ, меньшихъ рѣкахъ. Случается, что вновь открывшійся послѣ разлива протокъ превращается въ новое русло, на иѣсколько саженей даже верстъ отстоящее въ стороны отъ стараго, которое мельѣтъ, усыхаетъ и совершенно глохнетъ. Такія старыя русла называются „старицами“. Вообще сибирскія рѣки, текущи по мало покатой равнинѣ, медленны; они и неглубоки: вода, размывая берега свободно разливается въ ширь; къ зимѣ главныя рѣки еще мельютъ, послѣ того какъ мелкие притоки промерзаютъ до дна и прекращаютъ доставлять обычную воду. Берега подмываются очень сильно. Бывало, что городъ или село уходили отъ рѣчныхъ береговъ на новые мѣста, иначе имъ грозила опасность обрушиться въ воду.

Одна изъ рѣкъ, какъ мы видѣли раньше, называется Иртышомъ, что въ переводе означаетъ землерой. Размываются обыкновенно, такъ же какъ и въ Россіи, правые берега, а на плоскій берегъ выбрасываются голые и обитые стволы

Большой Акъ-бомъ на Алтай.

пихъ, кедровъ и другихъ деревьевъ, засоряя русло и дно теченій рѣкъ.

Несмотря на обиліе рѣкъ Западной Сибири, плавать по нимъ не особенно удобно. Какъ видно по картѣ, рѣки, направляясь на сѣверъ, впадаютъ въ Ледовитый океанъ, прорѣзая его ненаселенные побережья. Сѣверное море постоянно покрыто льдами, зимою же его берега ими совершенно затираетъ. Обь въ нижнемъ теченіи большую часть года стоитъ закованная въ ледъ, оттаивая на какихъ-нибудь четыре мѣсяца. Устьемъ для торговли и пристанью служить городъ Тюмень на рѣкѣ Турѣ, куда товары свозятся по рѣкамъ и съ сѣвера и съ юга. Самая многоводная часть Оби, ея низовья пропадаютъ даромъ; это быльбы хороший водный путь, если бы оказалось возможнымъ сообщаться по Сѣверному Ледовитому океану съ Россіей; доступъ къ ней моремъ до сихъ порь почти недоступенъ. Нѣтъ точныхъ картъ, нѣтъ спасательныхъ станцій, нѣтъ складовъ топлива, провизіи и теплой одежды, словаря, нѣтъ тѣхъ необходимыхъ приготовленій, безъ которыхъ мореплаватели не могутъ безъ большого риска отправиться въ путь по бурному, часто покрытому туманами морю. Впрочемъ въ разное время дѣлались попытки установить правильное сообщеніе между устьями сибирскихъ рѣкъ и Архангельскомъ. Очень много обь этомъ хлопоталъ покойный адмиралъ Макаровъ, который думалъ, что, при помощи двухъ хорошихъ ледоколовъ, можно поддерживать правильное лѣтнее движеніе съ устьями Оби и Енисея. Въ послѣдніе годы, послѣ войны съ Японіей, вновь заинтересовались „Сѣвернымъ“ путемъ и изучениемъ Карского моря, измѣнчивое и плохо изу-

ченніе состояніе льдовъ котораго болѣе всего затрудняетъ торговое мореходство.

Многочисленныя рѣчки, притоки трехъ большихъ рѣкъ Сибири, между собою сближаются такъ близко, что по Сибири съ запада на востокъ возможно пройти на лодкахъ, перетаскивая ихъ чрезъ небольшіе „волоки“. Весною же въ разливы безъ пересадки удобно плыть даже чрезъ лѣса. Вся

Горная Алтайская рѣчка.

длина Оби достигаетъ 4.200 верстъ. Она находится въ числѣ самыхъ большихъ рѣкъ міра, а Западная Сибирь—одно изъ самыхъ богатыхъ водою мѣсть на всемъ земномъ шарѣ. Наша Волга далеко не можетъ сравняться съ Обью!

Для Западной Сибири, конечно, большое неудобство, что рѣки, такія удобныя дороги, текутъ съ юга на съверъ, а не съ запада на вос-

токъ. Другіе пути сообщенія мало удобны. Въ южной части равнины возможны желѣзныя и груитовыя дороги, но въ лѣсахъ и болотахъ лѣтомъ другихъ путей, кромѣ рѣкъ и кое-гдѣ тропинокъ для верховыхъ лошадей, не существуетъ. При этомъ тропинки въ самомъ скверномъ состояніи, иѣздить по нимъ, да еще въ деревянныхъ сѣдахъ, невыносимое мученіе. Только зимой крестьянеѣздятъ на саняхъ, когда болота и рѣки замерзнутъ и покроются сѣнью: на лѣто перебираются въ лодки, на которыхъ и путешествуютъ, а лошадей иногда даже дома не держатъ, пуская ихъ настись до осени на полной свободѣ.

По берегамъ сибирскихъ рѣкъ находять остатки огромнаго вымершаго животнаго — мамонта. Видомъ своимъ мамонтъ походилъ на слона, но быть еще больши и еще массивнѣе. Его клыки, которыми онъ ломалъ молодыя ели и сосны, чтобы добыть себѣ шишки и молодые побѣги, въ длину доходили до сажени. Мамонтъ быть покрытъ мягкой, пушистой шерстью; съ головы свѣшивались голыя уши, а на концѣ такого же гладкого хвоста росъ пучокъ длинныхъ волосъ; по спинѣ и затылку шла большая, жесткая грива. Въ разныхъ мѣстахъ Сибири находять еще много остатковъ и другихъ вымершихъ животныхъ. Когда-то водились въ Сибири полярные быки, волосатые носороги; еще недавно на дальнемъ востокѣ Сибири попадалъ съ морской корова. Это было большое животное, похожее на тюленя; длина морской коровы доходила до 4 сажень. Туша ся давала количество мяса, достаточное для прокормленія 50 человѣкъ въ теченіе 2 недѣль. Морская корова была довѣрчива и неосторожна.

Используясь этими ея свойствами, промышленники
всего совершили уничтожили морскую корову.

Всё вымершія теперь животные погибали или
от перенесённого климата или благодаря человѣку.

Въ предѣлахъ сибирской низменности и лежитъ Западная Сибирь. Состоитъ она изъ Тобольской и Томской губ. Они не сплошь заняли низменность; на западѣ ея кусокъ принадлежитъ къ Пермской и Оренбургской губерніи, на востокѣ — къ Енисейской. Часть Томской губерніи сама выходитъ изъ границъ низменности и занимаетъ Алтайскій горный округъ.

Тобольская и Томская губерніи представляютъ изъ себя огромное пространство въ 2.200.000 квадрат. верстъ, т.-е. почти въ половину всей Европейской Россіи и въ 4 раза больше Германіи. Несмотря на большие размѣры, жителей въ Западной Сибири около 3.500.000. На каждую квадратную версту, если все населеніе разложить поровну, приходится всего по $1\frac{1}{2}$ человѣка. Количество народонаселенія Западной Сибири все возрастаетъ, но сильно увеличиться оно не можетъ, потому что тамъ есть мѣста, совершенно непригодныя для человѣческаго существованія; главнымъ образомъ, заселены южныя части.

Тобольская и Томская губ., растянувшись широко съ сѣвера на югъ, лежать въ различномъ климатѣ, а значитъ, въ разныхъ полосахъ растеній и животныхъ.

По сибирской равнинѣ то раскинулись степи, безлѣсныя и сухія, то рощи вперемежку со степью, покрытой богатой растительностью, то густые, непроходимые лѣса — „тайга“, или болотистыя чащи — „урманы“, то, наконецъ, пустынныя промерзлые болота сѣвера — „тундра“. За-

падную Сибирь по ея климату, растеніямъ, животнымъ и населенію удобно раздѣлить на три части.

Южная часть, или полоса земледѣльческая, проходитъ чрезъ степи западно-сибирской низменности; съ сѣвера земледѣльческая область примыкаетъ къ лѣсамъ и даже частью ихъ захватывается. Это самыя богатыя и самыя населенныя мѣста Западной Сибири.

Средняя—лѣсная полоса. Она вся заполнена лѣсами и болотами. Въ этой сырой области земледѣліемъ заниматься очень тяжело. Люди живутъ, главнымъ образомъ, охотой и рыбной ловлей.

Самая холодная и безлюдная часть—это сѣверные тундры. Здѣсь человѣку существовать крайне тяжело; въ суровомъ климатѣ хлѣбопашество невозможно; только инородцы чувствуютъ себя тамъ какъ дома и на голыхъ болотахъ тундры пасутъ своихъ оленей, да по рѣчнѣмъ безлѣснымъ берегамъ стоять рѣдкіе поселки рыболововъ.

Эти три полосы, постепенно, конечно, а не сразу, переходятъ одна въ другую.

Западная Сибирь отличается суровыми зимами. Путешественники съ восторгомъ описываютъ сибирскую зиму; сугробы серебристаго снѣга ярко блѣдѣютъ днемъ подъ прозрачнымъ голубымъ небомъ, ночью небесный покровъ сверкаетъ поразительно блестящими звѣздами; воздухъ такъ тихъ и неподвиженъ, что не чувствуется всей силы мороза. Чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ, суровѣе становятся холода. Зимою ужасны сибирские бураны. Среди равнинъ яростно бушуетъ выюга; ураганомъ крутится воздухъ, захватывая снѣгъ, куски мелкаго льда, песокъ, древесные

сучья. Въ такие бураны люди, не найдя себѣ мѣстечка, чтобы укрыться, гибнутъ.

Вообще большія площиади земли сильно охлаждаются зимою. Суровость зимъ сибирской равнинны увеличивается, кромѣ того, тѣмъ, что она совершенно открыта къ Ледовитому океану. Его холодное дыханіе, въ видѣ пронзительныхъ вѣтровъ, доходитъ къ самымъ южнымъ частямъ Западной Сибири. Теплые же западные вѣтры задерживаетъ Уральскій хребетъ.

Ближе къ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ съвериѣ лежитъ Тобольская губернія, а дальше на востокъ и южнѣе—Томская. Среди населенія больше всего русскихъ, а потомъ уже инородцевъ, прежнихъ хозяевъ всей страны, которымъ принадлежали и степи, и лѣса, и рѣки, и тундры. Инородческое населеніе состоитъ изъ татаръ, остиковъ, самоѣдовъ, ногуловъ и пришлыхъ изъ Россіи—зырянъ. Много прѣѣхало изъ Россіи въ эти края всякаго народа, разныхъ національностей и религій. Инородцамъ отъ нихъ приходится тяжело — особенно отъ русскихъ. Подъ напоромъ пришельцевъ, не выдерживая соперниковъ болѣе сильныхъ и хитрыхъ инородцы уходятъ все дальше на востокъ и съверь, покидая свои старыя угодья.

ЛѢСНАЯ ПОЛОСА.

1) Урманы, тайга, болота, климатъ, почва и земледѣліе.

Если отъ земледѣльческой полосы ѿхать къ сѣверу по широкимъ водамъ Иртыша или Оби, то перемѣна кругомъ становится все замѣтнѣе. Учащаются степные перелѣски; къ березѣ и осинѣ примѣшивается ель и кедръ, и, наконецъ, на береговыхъ возвышенностяхъ стоять уже хвойныя заросли, а на горизонтѣ тянутся безконечные лѣса. Это началась уже новая сибирская полоса, область высокоствольнаго лѣса. Идетъ она приблизительно отъ 58° до 64° сѣверной широты — слишкомъ на 600 верстъ, где деревья начинаютъ мельчать, пріобрѣтать худосочный видъ съ тонкими, точно больными, стволами.

Лѣсная область захватываетъ среднюю часть Тобольской губернії¹⁾ и весь обширный сѣверъ Томской, носящій название — Нарымскій край, что на мѣстномъ языкѣ значитъ „болотный край“. Ея огромный пространства напоминаютъ собою нѣкоторые мѣста Вологодской и Архангельской губернія, но они еще пустыннѣе и холоднѣе.

¹⁾ Сѣверныя части округовъ Турицкаго, Тобольскаго и Тарского и южная округа Сургутскаго и Березовскаго.

Видъ тайги.

Здѣсь уже нѣть желѣзной дороги; только внизъ и вверхъ по рѣкамъ изрѣдка бѣгаютъ пароходики, таща за собою караваны барокъ и баржъ.

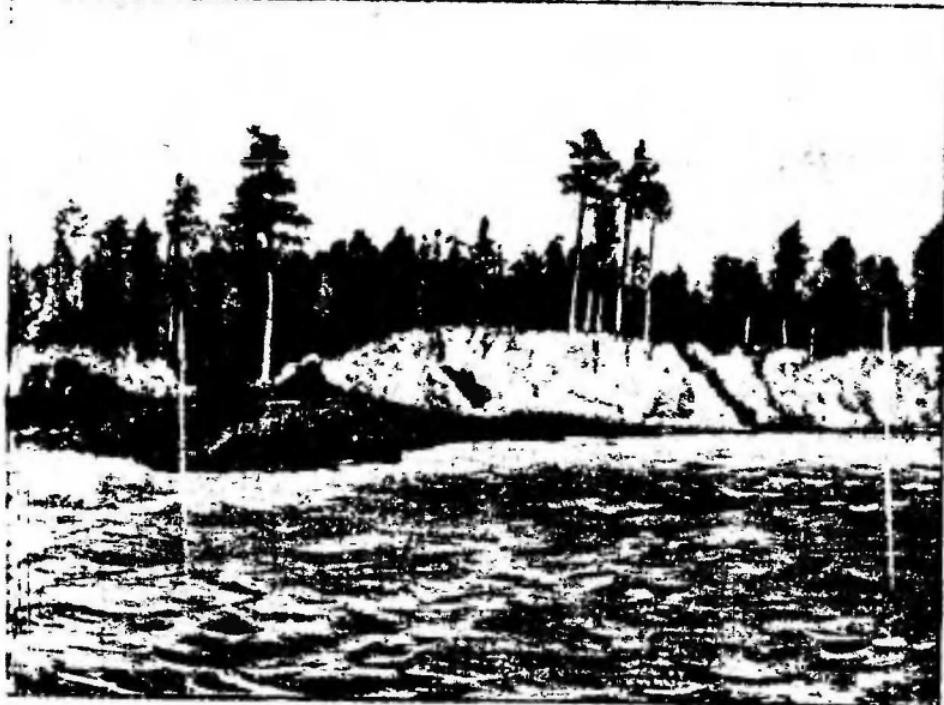
Унылы берега сибирской красавицы Оби и ея притоковъ. На сотни верстъ одна картина: плоскій лѣвый берегъ и высокій, точно срѣзанный ножомъ, постоянно подмываемый водою правый. Все сѣро вокругъ. Сѣрыя безпредѣльныя воды рѣки, точно море, сливающіяся иногда на горизонтѣ съ небомъ; сѣрая даль, съ подернутыми дымкой лѣсами; сѣрыя хвойныя рощи, торчащія точно часовые по краямъ береговъ; сѣрыя поляны и болота между ними, а надо всѣмъ широкій небесный покровъ, такой же мутный и сѣрый... Даже люди, живущіе въ этихъ краяхъ, остыки, вѣчно пыряющіе по рѣкамъ въ своихъ убогихъ челнокахъ, и они мелкіе, молчаливые и блѣдные.

Не разнообразятъ рѣку и ся рѣдкіе, низкіе острова, поросшіе осокорью, мхомъ и красными, какъ сургучъ, прутьями прибрежныхъ кустарниковъ.

Взоръ отдыхаетъ только на холмахъ, лежащихъ вдоль береговъ; на нихъ мостятся рощи и лѣсочки, къ нимъ жмутся дровяные склады и бѣдныя лачуги рѣдкихъ деревушекъ, мало чѣмъ отличающихся отъ ешьшихъ южно-русскихъ. Жилища инородцевъ спѣе ничтожнѣе и непрігляднѣе.

Скучно и утомительноѣздить по сибирскимъ рѣкамъ; пароходы ходятъ неправильно, останавливаются и отходятъ безъ расписанія и страшно опаздываютъ. Тамъ, гдѣ пароходы не ходятъ, путешествуютъ на лодкахъ и челнокахъ, пере-

глекивая ихъ съ рѣчки на озеро, съ озера на рѣчу. Въ старину казаки, таща по волокамъ свои лодки-срубы, прошли всю Западную Сибирь на востокъ и сѣверъ. Хоть и скучень, медлененъ водный путь, но имъ только и возможно тутъ передвигаться.

Красный яръ на р. Кондѣ.

А если сойти на берегъ и пуститься чрезъ лѣса и болота, то отыщутся лишь рѣдкія, узкія тропки, доступныя пѣшеходамъ или верховымъ лошадямъ. Удобныхъ проѣздныхъ дорогъ нѣть въ этихъ сырыхъ, далекихъ мѣстахъ. Тѣ, кому приходилось Ѵздинь верхомъ по дебрямъ лѣсной полосы, разсказываютъ, какое это ужасное мученіе; сѣда деревянныя, лошади тряскія; ни посто-

ялыхъ дворовъ, ни удобныхъ ночлеговъ; тропинки завалены пнями и стволами бурелома; чрезъ рѣчки переброшены шаткие мосточки, доски которыхъ вотъ - вотъ хотятъ подъ копытами обвалиться въ воду. Эти лѣсныя дорожки — гати — прокладываютъ мѣстные жители, живущіе въ сосѣднихъ заимкахъ; гати называются по фамилии семей, ихъ проложившихъ. Но зимою, когда болота подмерзнутъ, а кочки занесетъ обильный снѣгъ, устанавливается конный путь на саняхъ.

Чѣмъ дальше отъ унылыхъ береговъ прорваться внутрь лѣсной полосы, тѣмъ интереснѣе и разнообразнѣе картины окружаютъ путешественника; начинаются знаменитые, болотистые урманы и сибирская тайга. Урманъ на татарскомъ языке значитъ красный, хвойный лѣсъ. Тайга и урианы заросли по западно-сибирской равнинѣ внеремежку съ озерами, болотами, песками и прогалинами; они представляютъ изъ себя непролазныя чащи, гдѣ сучья кустарниковъ сплелись между собою плотной стѣной, а вершины деревьевъ смѣшались въ красивый шатерь; тамъ невидно земли, засыпанной сплошь гнильымъ валежникомъ; тамъ топоръ еще не трогалъ могучихъ столѣтникъ елей, заросшихъ мохомъ, точно бородой.

Урманы стоять неподвижно и безмолвно: точно все вымерло въ ихъ таинственной глубинѣ; птичий голоса замолкаютъ въ ихъ чащѣ. Рѣдко рявкнетъ медведь — единственный гospодинъ сибирского лѣсного царства; еще рѣже застучить о вѣтки своими длинными рогами дикий олень, продираясь сквозь заросли; среди безмолвной тишины далеко слышно, какъ щелкаетъ свои орѣхи

шустрая бѣлка, и какъ подъ ся острыми когтями потрескиваютъ сухія вѣтки. Мало замѣтны въ этихъ необъятныхъ лѣсахъ птицы и звѣри.

Сибирскія заросли не похожи на наши русскіе живые лѣса: непривычному человѣку въ урманѣ становится жутко. А въ бурю онъ совсѣмъ страшенъ; вѣтеръ реветъ; деревья гнутся, стонутъ,

Заломъ на р. Ломоватой.

точно жалуются и проклинаютъ; столѣтніе стволы трещать, вались на землю. Отъ бурь, ломающихъ деревья, дебри съ каждымъ годомъ становятся все менѣе и менѣе доступны для человѣка и большихъ животныхъ. У сибиряковъ сложилась даже такая поговорка: „Кто въ урманахъ не былъ, тотъ страху не видаль“.

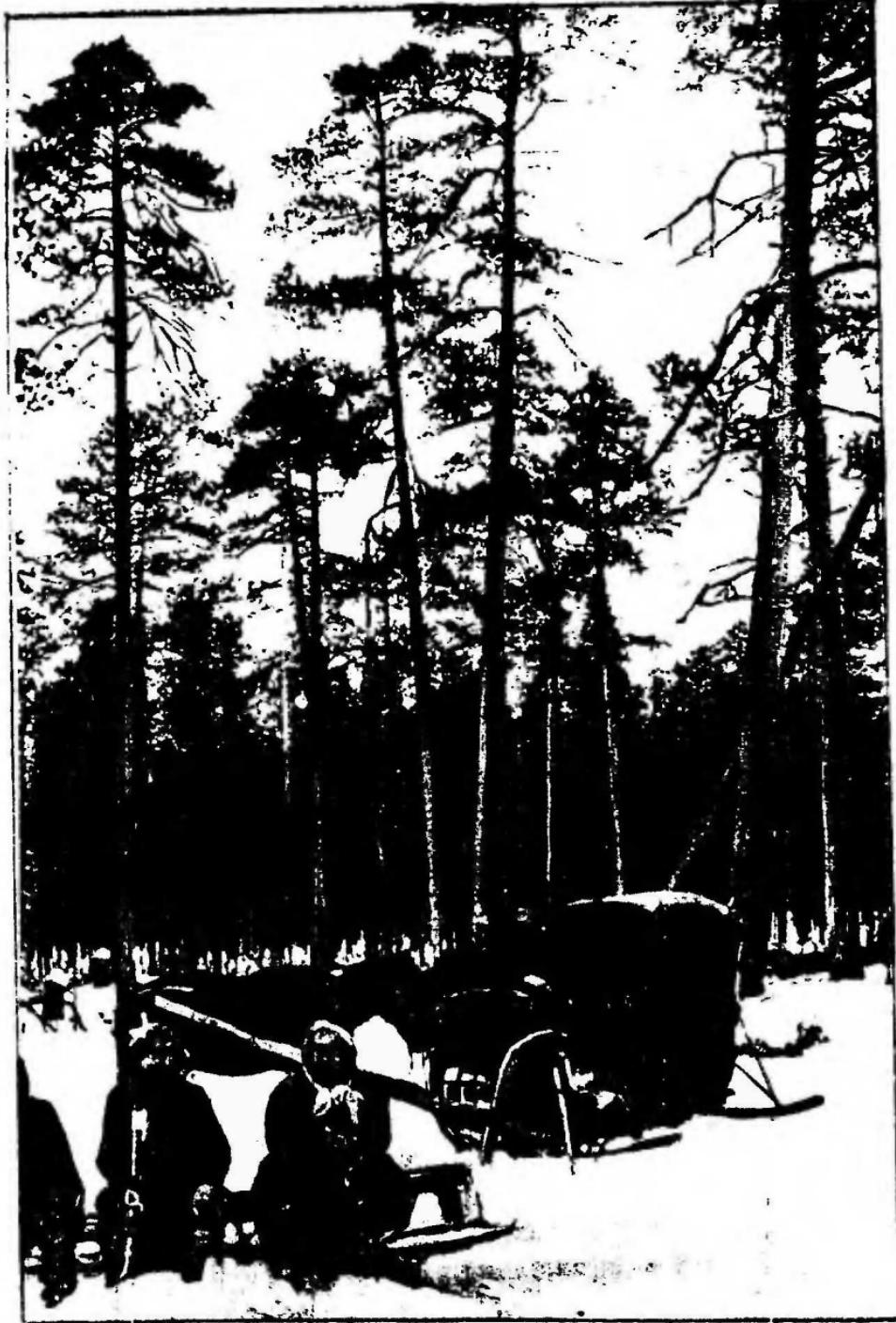
Урманы отличаются тѣмъ, что въ нихъ встречаются цѣлые рощи изъ кедра — этого самаго красиваго дерева Сибири. Кедръ огроменъ и могучъ, какъ нашъ русскій дубъ, а на его вершину одѣта раскидистая шапка темнозеленой хвои. Спокойнъ и величественъ кедровикъ; его шумящія въ высотѣ вѣтви куполомъ покрываютъ человѣка и настраиваютъ на религіозныя размышленія.

Около гордыхъ кедровъ не выживаютъ другія деревья; сильный стволъ кедра убиваетъ и глушить сосѣдей, одинъ забирая себѣ и влагу воздуха, и соки земли, и свѣтъ солнца. Чѣмъ дальше къ востоку тѣмъ гуще лѣса, тѣмъ могутъ чѣе стволы деревьевъ, а на границѣ съ Енисейской губерніи идетъ уже настоящая сибирская тайга. Но къ востоку отъ рѣки Енисея лѣсъ снова начинаетъ мельчать и проигрывать въ качествѣ.

Почти всѣ лѣса Западной Сибири принадлежатъ казнѣ: она обладаетъ 110.000.000 десятинъ урмановъ и тайги. Ихъ огромныя пространства, главнымъ образомъ, предоставлены дикой воли бурь и урагановъ. Тамъ много мѣстъ, куда не только русскій человѣкъ, но даже отважный обитатель урмановъ — инородецъ еще не рѣшался проникнуть.

Медленно пробирается къ сѣверу переселенецъ, выгнанный земельнымъ уѣсненiemъ изъ сосѣдней земледѣльческой полосы или изъ Россіи. Онъ неутомимо борется съ природой, вырубаетъ лѣсъ, осушаетъ болото и основываетъ заимку. Но и переселенцу болота и холодъ ставятъ преграду и не пускаютъ глубоко на сѣверъ.

Куда смогъ пробраться русскій человѣкъ и началъ постукивать топоришкомъ, тамъ скоро

Привалъ въ лѣсу.

начинают таять лѣса. Но ни отъ одной человѣческой руки переводятся сокровища лѣсной полосы; загниваютъ стволы деревьевъ отъ слишкомъ обильной влаги; опустошаетъ урманъ червь-шелкопрядъ: съ совсѣмъ голыми деревьями безъ листвьевъ и хвои, черные, точно скелеты, покрытые прахомъ вѣковъ, стоять мертвые лѣса на тысячи десятинъ, обѣдненные червями. Но еще болѣе ужасный бичъ тайги и урмана—лѣсные пожары; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ они свирѣпствовали особенно сильно, отъ лѣсовъ сохранились только жалкіе остатки. Бывали пожары, продолжавшіеся по нѣскольку лѣтъ подъ рядъ; огонь ходилъ въ ширину нѣсколькихъ верстъ, перебираясь чрезъ широкія рѣки, точно чрезъ ручейки, и не потухъ ни весной отъ талаго снѣга ни осенью отъ дождей; пламя тлѣло въ корняхъ и въ торфѣ и едва кругомъ становилось суще, оно съ новой силой вырывалось наружу; пожаръ отлично справляется съ лѣсной чащей, кося деревья точно траву или обжигая вѣтви, хвою и кору, губя сосны и кедры уже навсегда; за тысячу верстъ до людей доносится запахъ гари и дыма, а ночами широко краснѣеть отъ зарева горизонтъ. Въ ужасѣ бѣгутъ отъ огня и звѣри и люди.

Пожары постоянны, но иногда они достигаютъ особенной силы, напримѣръ, страшно пострадали западно-сибирскіе лѣса въ 1900 и 1901 году. Возникаютъ лѣсные палы часто отъ неосторожности; иногда сами крестьяне, выжигая лѣсъ подъ пашню, не сумѣютъ охранить сопѣднія рощи, еще чаще заходитъ огонь съ юга со степныхъ пожаровъ. Бороться съ огнемъ нѣтъ средствъ; даже окапываніе не помогаетъ; иногда удается навстрѣчу пожару пустить поджогъ, который

учищожаетъ пищу для подвигающагося огня и
этимъ защищаетъ людей отъ гибели.

На мѣстѣ пожарища, чрезъ иѣсколько лѣтъ,
появляется молодая заросль, но прежней угрюмой

Кедръ.

"сѣдой тайгѣ здѣсь уже человѣкъ не дастъ вы-
расти.

Отъ всѣхъ причинъ вмѣстѣ довольно быстро
пропадаетъ лѣсъ. Его граница отступаетъ къ
сѣверу. Еще недавно на востокѣ Западной Сибири,

около Томска и южнѣе его, высилась Чулымская тайга: а теперь вокругъ желѣзной дороги стоять какія - то жидкія, искусственно сохраняемыя рощи.

Если бы не эти причины, то лѣсъ не только бы не уничтожался, но постепенно бы распространялся къ югу. Мы уже видѣли, что по рѣчнымъ берегамъ, хорошо промытымъ отъ почвенныхъ солей, деревья уживаются и въ степной полосѣ. Эта борьба со степью идетъ по всей южной линіи лѣса. За зиму въ лѣсу залегаетъ огромное количество снѣга, и весною всѣ эти запасы въ видѣ широкихъ потоковъ талой воды устремляются на лѣсныя опушки. Такимъ образомъ, почва прилегающихъ къ лѣсу частей степи усиленно выщелачивается, теряетъ вредная для дерева составные части, и молодая лѣсная заросль постепенно завоевываетъ степь, подвигаясь на нее.

Но урманы не такъ страшны своими дебрями, какъ обширными болотами, громадными, бездонными топями и зыбуками. Въ Западной Сибири болотъ еще больше, чѣмъ лѣсое. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болота точно покрыты желто-зеленымъ покровомъ изъ толстаго пловучаго мха, посыпанаго палой хвоей: на мху нѣтъ ни травы, ни другой растительности, лишь валяется гниющій валежникъ. Болотная почва колышется подъ ногами человѣка, лошадь и лось проваливаются въ неї и тонутъ. До сихъ поръ подъ торфомъ находять хорошо сохранившіеся остатки погибшихъ такимъ образомъ животныхъ. Въ этихъ болотистыхъ мѣстахъ нѣтъ ни насѣкомыхъ ни птицъ,—имъ нечѣмъ питаться въ царствѣ лѣса и мха, лишенного травы. Среди безмолвія только

вѣтеръ колышетъ вершины деревьевъ и разносить кругомъ задумчивый, волшебный шопотъ сѣдыхъ вѣтвей.

Въ сибирской тайгѣ понемногу, мѣстами, гдѣ пѣтъ стока для воды, образуются новые болота, происходитъ такъ называемое заболачивание лѣса. Дождевая вода, проходя чрезъ густой слой опавшей хвои, вѣтвей и другихъ остатковъ лѣс-

З аимка.

ной растительности, обогащается кислотами, образующимися при гніеніи этихъ остатковъ. Проникая затѣмъ въ землю, эта подкисленная вода растворяетъ и выносить изъ верхняго слоя много составныхъ частей почвы. Такимъ образомъ на глубинѣ приблизительно $1\frac{1}{2}$ аршина появляется сѣрый, обезцвѣченный слой земли, такъ называемый подзолъ. Ниже кислоты скрѣпляютъ, цементи-

рутъ подпочвенный песокъ въ твердую корку, образуя темно-буруе вещество, такъ называемый орштейнъ или рудикъ. Орштейнъ непроницаемъ для воды. Даже корни деревьевъ встрѣчаются въ немъ непреодолимую преграду. Вода, лишенная стока, застаивается; корни деревьевъ не могутъ уже правильно питать дерево; оно сохнетъ, такъ какъ весной, когда верхнія части дерева уже ожили и испаряютъ влагу, его корни находятся еще въ промерзшей почвѣ, валится и затягивается, въ концѣ-кощовъ, мхомъ. На мѣстѣ лѣса воцаряется болото. Заболачивание происходитъ иногда послѣ порубки и пожаровъ.

Особенно велики болота Васюганской низменности, которая лежитъ на сѣверѣ Томской губерніи въ Нарымскомъ краѣ, по берегамъ рѣки Васюгана, между Иртышомъ и Обью. Эта блистая низменность тянется тысячу на двадцать квадратныхъ верстъ. По Васюгану всюду разбросаны гривы и острова, или покрытые песками или, чаще, заросшіе рощами кедра, лиственницы и сосны. По этимъ кочковатымъ болотамъ инородцы перебираются съ помощью трехъ длинныхъ жердей: двѣ перекладываютъ съ кочки на кочку, а третьей опираются; такъ проходятъ цѣлые версты.

Лѣтомъ Васюганъ очень красивъ; между лѣсистыхъ холмовъ и мховъ тихо дремлютъ сонные воды: то прозрачныя какъ зеркало, отражающія въ себѣ небо и рощи, то заросшія ярко-зелеными сочными травами. Вся эта мѣстность похожа лѣтомъ на огромное зеленое, дырявое покрывало, наброшенное на воду... Отсюда берутъ свое начало многія рѣчки. Постоянно стоячія болота

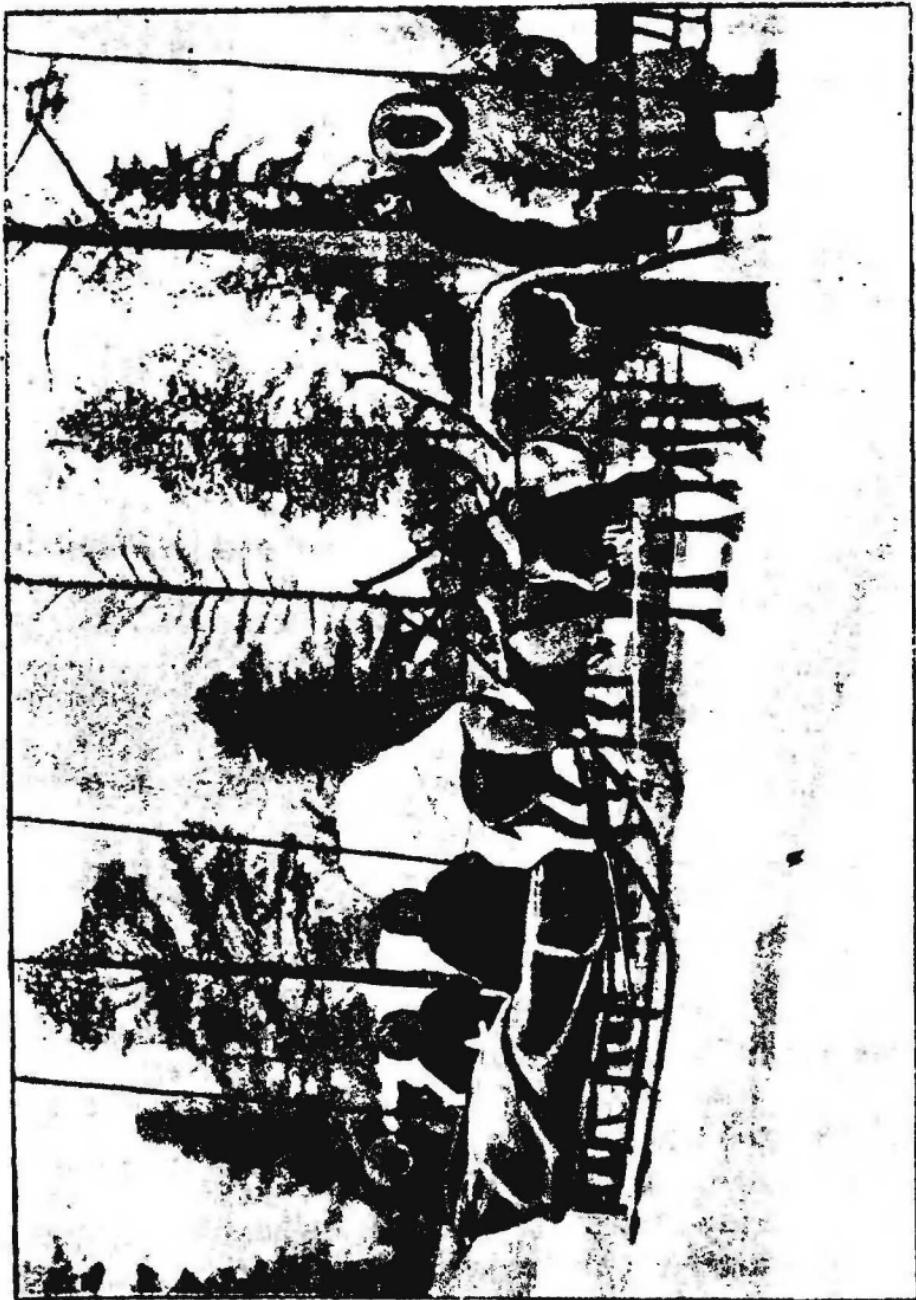
шиогда загниваютъ, отравляя воду вытекающихъ рѣкъ и заражая окружающій воздухъ своими гнилыми испареніями. Въ Нарымскомъ краѣ водится масса болотной и рѣчной птицы. Весною и осенью Васюганъ всплываетъ въ водѣ, становясь недоступнымъ, походя на сплошное, волнующееся море; его такъ и называютъ местные жители: „Васюганское море“; а зимой снѣгъ и морозъ открываютъ въ него свободный доступъ.

Лѣсная полоса занимаетъ гораздо болѣе холодную мѣста Западной Сибири, чѣмъ земледѣльческая. Средняя температура зимой стоитъ -20° , а лѣтомъ достигаетъ $+14^{\circ}$; въ соседнихъ же русскихъ областяхъ зимою бываетъ въ среднемъ -14° и лѣтомъ $+16^{\circ}$. Только самые теплые мѣсяцы здесь теплѣе, чѣмъ въ Россіи. Температура растительного периода держится около $+12^{\circ}$ и ниже, т.-е. менѣе благопріятна соотвѣтствующей въ Россіи, гдѣ она превышаетъ 12° и доходить до 13° . Дождей и снѣговъ въ лѣсной полосѣ выпадаетъ больше, чѣмъ въ земледѣльческой. Суровость климата сильно отразилась на деревьяхъ. Мы говорили уже, что въ части земледѣльческаго района, заполненной лѣсами, замѣчалась разница между породами Сибири и соседней Россіи, усиливавшаяся по мѣрѣ удаленія отъ Уральскихъ горъ. Здесь же, на сѣверѣ, эта разница еще рѣзче. Въ лѣсной полосѣ деревья почти сплошь представляютъ изъ себя хвойнія породы: лиственницу, кедръ, сосну, ель и пихту. Широколиственные деревья не выживаютъ, благодаря глубокому промерзанію почвы, и только мелколиственные породы съ неприхотливыми березой, липой и осиной примѣщаются къ хвоѣ по

опушкамъ и болотамъ, да и то въ южныхъ частяхъ лѣсной полосы.

Среди этого царства болотъ и лѣсовъ, особенно на югѣ, встречаются возвышенныя мѣста, куда весенне разливы не достигаютъ. Въ этихъ сухихъ долинахъ лежитъ лучшая въ лѣсной полосѣ почва суглинистаго чернозема. Вдоль рѣчныхъ береговъ тянутся увалы съ такимъ же суглинистымъ черноземомъ, но только болѣе рыхлымъ. Но откосамъ холмовъ, на такъ называемыхъ „ярахъ“, расположились самыя худшія земли. Такъ же, какъ въ земледѣльческой полосѣ, здѣсь на стлогихъ и широкихъ увалахъ расположилась почва, болѣе богатая черноземомъ, чѣмъ на крутыхъ и узкихъ. Въ лѣсахъ попадаются цѣлые площади земли, которая при обработкѣ можетъ дать небольшой урожай; ихъ называютъ „бѣликами“. Хотя вообще почвы лѣсной области гораздо хуже сосѣднихъ южныхъ частей Западной Сибири, и чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ ихъ качество все понижается, но въ общемъ тутъ есть мѣста, пригодныя для земледѣлія.

Лѣтняя температура дѣлаетъ кое-гдѣ вполнѣ возможнымъ земледѣліе, а на увальныхъ пашняхъ, защищенныхъ деревьями, даже сѣверный вѣтеръ не можетъ нанести своимъ холодомъ большого вреда. Хуже всего даютъ себя чувствовать лѣтніе и осенніе заморозки, непостоянство въ климатѣ и рѣзкое колебаніе между тепломъ и холодомъ. Вырубая лишній лѣсъ и осушая болота, сибиряки отдѣлываются отъ сырости и этимъ достигаютъ лучшихъ условій для земледѣлія; безъ удобренія и безъ осушительныхъ работъ хлѣбопашество тутъ, конечно, не мыслимо. Земля требуетъ серьезнаго ухода и старанія, и

На Южно-Американском побережье Бразилии

безъ нихъ въ лѣсной полосѣ крестьяне никогда не смогутъ добиться порядочнаго урожая. Отвоевывая шагъ за шагомъ отъ суровой природы удобные клочки земли, сибиряки и переселенцы проникаютъ довольно глубоко къ сѣверу; въ урманахъ, лежащихъ на востокѣ отъ рѣки Тары, въ послѣднее десятилѣтіе усердно рубился лѣсъ, падали старыя деревья, высыхали болота, а вместо нихъ росли заимки переселенцевъ или ушедшихъ съ юга и запада сибиряковъ. Среди переселенцевъ отваживаются итти въ эти далекіе края люди изъ сѣверныхъ мѣстъ Россіи, главнымъ образомъ, изъ Прибалтійскихъ и Пририслинскихъ губерній; эти хорошие и трудолюбивые переселенцы умѣютъ справиться съ тяжелыми обстоятельствами и поставить сносно свое молодое хозяйство.

Огромнымъ препятствиемъ для земледѣлія, кроме влажности и климата, является еще недостатокъ луговъ, а благодаря этому и скота, т.-е. необходимаго удобренія. Земледѣльцамъ приходится заботиться не только о пахотныхъ земляхъ, но и о лугахъ, о травахъ, о сѣнокосахъ.

Хотя хлѣбопашцы работаютъ тѣми же самыми орудіями, что и въ сосѣдней южной полосѣ, но хозяйство тутъ уже другое: засѣиваютъ сѣверные, грубые хлѣба, среди которыхъ лучше всѣхъ рождается овесъ. Много возятся здѣшніе крестьяне надъ землей, добиваются того, что неурожаевъ большихъ не случается, но все-таки рѣдко гдѣ сможетъ одно земледѣліе прокормить человека, и приходится ему прибѣгать къ помощи другихъ заработковъ.

Въ среднихъ и сѣверныхъ частяхъ лѣсной полосы о земледѣліи народъ совсѣмъ не думаетъ.

Главнымъ заработкомъ въ урманахъ и тайгѣ служатъ лѣсные промыслы—охота, кедровый промыселъ и рыболовство; инородцы же почти не занимаются земледѣлемъ.

2) Звѣри и птицы; охотничьи и лѣсные промыслы; скупщики; паденіе промысловъ.

Необъятны пространства тайги и урмановъ, густа чаща ихъ лѣсовъ, но сравнительно немного великаго звѣря и птицъ находить себѣ въ нихъ пріютъ и пропитаніе; такъ немного, что иногда охотникъ, идущій напрямикъ по лѣсной полосѣ, по нескользкому дней подъ рядъ не встрѣчаетъ добычи. Густа лѣсная чаща, обиленъ снѣгъ, и никому звѣрю пробраться сквозь нихъ очень трудно. Лѣсная полоса почти сплошь состоитъ изъ хвойныхъ деревьевъ; ихъ молодые побѣги и шишки могутъ служить кормомъ только нѣкоторымъ птичимъ породамъ. Этими причинами объясняется то, что многіе птицы и звѣри не водятся въ сибирскихъ урманахъ.

Самыя оживленныя и населенныя мѣста для животныхъ бывають на открытыхъ участкахъ лѣсныхъ опушекъ, вблизи прогалинъ и луговинъ и по рѣчнымъ берегамъ. Густыя заросли, стоящія рядомъ, кажутся еще пустыннѣе отъ этого оживленнаго сосѣдства. Въ лѣсной полосѣ Западной Сибири встрѣчаются слѣдующія птичии породы: глухаріи, тетерева, рябчики, дикия утки, кулики, турханы, совы, сычи, кречеты, орлы, коршуны, ястреба, воробы, дятлы и др.; пѣвчихъ птицъ не много; соловьи отсутствуютъ.

Весною и лѣтомъ жизнь животныхъ проходить на рѣкахъ, озерахъ, болотахъ и луговинахъ, а

къ осени звѣри и птицы перебираются дальше на лѣсныя опушки, гдѣ разнообразнѣе деревья и кустарники и можно сыскать пищи побольше. Къ зимѣ тайга пустѣеть. Улетаютъ птицы, звѣри впадаютъ въ спячку; прячутся въ снѣгъ зайцы; глухари, тетерева и рябчики, наѣвшись до сыта березовыхъ и иловыхъ почекъ, тоже съ размаха бросаются въ снѣгъ и зарываются въ немъ.

Въ тайгѣ повсюду бродить мѣдвѣдь—бурый и черный, да прыгаетъ бѣлка; часто пробѣгаешь лисица и лось; встрѣчается рысь, выдра, россомаха, горностай, волкъ, бурундукъ, куница, заяцъ, ласка, барсукъ, хорекъ; рѣже попадается дикий олень, песецъ и соболь; совсѣмъ не водится теперь въ лѣсахъ Западной Сибири боберъ. Тѣ животныя, которыхъ нашли себѣ въ урманахъ удобный пріютъ, сильно уменьшаются и рѣдѣютъ. Они уходятъ дальше на сѣверъ и востокъ или вымираютъ. Виноватъ въ этомъ, конечно, человѣкъ, но, кромѣ него, есть еще одна важная причина, отъ которой переводятся западно-сибирскіе звѣри,—это пожары; отъ нихъ гибнутъ всѣ звѣри, и молодые и старые, въ огромномъ количествѣ; огонь не щадить никого. Какъ бы ни торопилась шустрая бѣлка перепрыгивать съ вѣтки на вѣтку, огонь еще быстрѣе мчится по мху и валежнику и настигаетъ животныхъ; высоко старавшись залетѣть тетерева и куропатки, но огонь взвивается къ самому небу и душить птицу.

Послѣ одного изъ такихъ пожаровъ двѣнадцать лѣтъ въ урманахъ Тобольской губерніи не водилось никакого пушнаго звѣря, такъ что охотники поневолѣ стали заниматься рыбною ловлею. Вообще нѣть уже въ Западной Сибири прежнихъ богатствъ „пушнаго товара“ или, какъ

говирилось въ старину, „мягкой рухляди“. Уже сибиря, напр., совершенно перевелись въ лѣсной полосѣ Западной Сибири и перебрались на востокъ; куница стала такою рѣдкостью, что многие считаютъ ее тоже совсѣмъ пропавшей; только соболя еще съ очень большимъ трудомъ добываются западно-сибирскими охотниками.

Соболя прячутся въ самыхъ глухихъ мѣстахъ Тобольской губерніи и въ урманахъ Томской. Охота на нихъ идетъ два раза въ годъ—весной и поздней осенью; лучше всего охотиться за соболями по первому снѣгу. Быстро нагоняетъ охотникъ коротконогаго соболя, скользя по рыхлому покрову на лыжахъ, а если звѣрекъ залѣзетъ въ дупло, то отверстіе закутаютъ сѣткой, а его самого выкуриваютъ дымомъ. Теперь считается рѣдкой удачей, когда охотникъ за годъ сможетъ поймать семерыхъ соболей, но еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ партия звѣропромышленниковъ въ 5—6 человѣкъ послѣ каждой охоты приносила съ собой 50—60 штукъ собольихъ шкуръ. Зато на нихъ сильно поднялась цѣна.

Больше всего достается отъ человѣка бѣлкамъ, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ходятъ тысячами стаями; кедровые лѣса до сихъ поръ еще удобныя мѣста для охоты на бѣлку; ее бываютъ гдѣ попало, сколько попало и какъ попало: повсюду межъ вѣтвей ставятъ сѣки и силки, куда запутываются неосторожные звѣрьки; ловятъ ихъ на приманку изъ кедровыхъ орѣховъ всяческими удавками и западнями; стрѣляютъ изъ ружья и лука-самострѣла... Рѣкой льется бѣличья кровь!

Питается бѣлка молодыми побѣгами хвойныхъ деревьевъ и кедровыми орѣхами. Когда на нихъ случается неурожай, она начинаетъ есть орѣхи

изъ сосновыхъ шишекъ; ихъ смола залѣпляетъ щеки и горло голоднымъ животнымъ, и они окончательно дожнутъ отъ голода. Въ такие годы бѣлки стадами переселяются съ мѣста на мѣсто въ поискахъ за сытнымъ пріютомъ. Звѣропромышленники замѣтили, что когда бѣлка идетъ на сѣверъ, то она скоро вернется обратно, но если перебирается на югъ, то останется тамъ нѣсколько лѣть подъ рядъ, а въ тѣхъ мѣстахъ, откуда она ушла, уловъ пока будетъ скуденъ. Поэтому и заработка на бѣлку стоитъ не ровный. Въ удачные годы на каждого охотника, какъ говорятъ, „на ружье“, выпадаетъ отъ 300 до 350 штукъ; цѣна за каждую колеблется, судя по времени года и по мѣсту, отъ 8—9 до 16—18 копеекъ за штуку; на ярмаркахъ поднимается и до 22 копеекъ. Въ 1895 г. изъ всей Сибири вывезли 4.200.000 бѣлокъ; большая часть изъ нихъ пришлась на долю лѣсной полосы Западной Сибири.

Отъ пожаровъ, отъ неурожаевъ шишекъ и особенно отъ хищной охоты за нею бѣлка теперь переводится. Больше всего вредить размноженію бѣлокъ весенняя охота въ февраль и мартъ, когда съ каждой убитой самкой гибнетъ отъ 25 до 40 штукъ ея будущихъ дѣтенышь. Хотя охота становится все ожесточеннѣе, но на мѣстныхъ ярмаркахъ числобитой бѣлки все уменьшается.

Много охотится и на зайцевъ, шкура которыхъ цѣнится по 6—15 копеекъ штука. При удобной охотѣ человѣкъ за зиму бьетъ сотни двѣ зайцевъ.

Звѣрски истребляютъ лосей и оленей изъ-за кожи и роговъ; лучшія части мяса съѣдаются, а то просто бросаются гнить въ лѣсу.

Весною, когда животные къ лѣту выходятъ изъ сѣверныхъ открытыхъ равнинъ, или осенью, когда они обратно къ зимѣ скрываются въ лѣса отъ морозовъ и вѣтровъ,—охотники устраиваютъ на нихъ облаву; во время переправы оленыхъ стадъ чрезъ рѣки партия промышленниковъ перебываетъ иногда съ лодокъ и съ берега весь таборъ сплошь, окрашивая далеко кругомъ въ красный цветъ рѣчную воду кровью бѣдныхъ животныхъ. Эта охота, такъ называемый „плавъ“, теперь сильно сократилась.

На лося и оленя повсюду ставятъ зажимные снаряды и сторожевые самострѣлы, роютъ ямы, иногда строятъ длинныя изгороди, въ которыхъ и помѣщаются отъ 50 до 300 луковъ-самострѣловъ. Лосей еще подкарауливаютъ у воды и подстрѣливаютъ изъ засады. Но самое ожесточенное избѣженіе идетъ весною; оно называется „по насту“; верхній слой снѣга подтаиваетъ отъ весеннихъ лучей и, замерзая ночью, образуетъ изъ себя хрупкій ледянной покровъ; по этому мерзлому снѣгу охотникъ на лыжахъ передвигается очень быстро, а лось постоянно проваливается и вязнѣтъ; такимъ образомъ онъ выбивается изъ силъ, и ни одинъ звѣрь не уйдетъ отъ людей, которые его убиваютъ дубинами, не тратя ни одного ружейнаго заряда. Теперь скота „по насту“ считается запрещенной, но, такъ какъ въ этой охотѣ заинтересовано само начальство въ деревняхъ и селахъ, то оно сквозь пальцы смотритъ на всѣ нарушенія закона. Лось страшно силенъ; иногда загнанный и обозленный, онъ въ отчаяніи бросается на своего преслѣдователя, старается удараить его своими рогами и иногда даже убиваетъ его.

Царемъ сибирской тайги считаютъ медвѣдя. Всюду возможно повстрѣчаться съ нимъ, и эта встрѣча для людей часто кончается очень печально, потому что звѣрь ихъ свободно задираетъ.

Охотниковъ, которые рѣшаются итти на медвѣдя, сибиряки уважаютъ и называютъ храбрецами; это, дѣйствительно, народъ смѣлый, и промыселъ имъ даромъ не обходится. Въ лѣсной полосѣ нерѣдко встрѣчаются охотники-инородцы, убившие на своеемъ вѣку до 50 медвѣдей. Несмотря на весь свой опытъ, они все-таки не застрахованы отъ смерти, и многіе изъ нихъ кончаютъ свою жизнь подъ когтями медвѣдя, въ его желѣзныхъ объятіяхъ.

Ходятъ на медвѣдей и съ рогатиной и съ ружьемъ—съ ружьями охотятся вообще на всякую дичь въ Западной Сибири даже инородцы. За шкуру берутъ рублей 6—12. Медвѣдь портить хлѣбъ, давить скотъ, ломаетъ амбары съ кедровыми орѣхами и брусникой. Все это заставляетъ сибиряковъ, несмотря на опасность, вести съ нимъ постоянную борьбу.

Такъ же непрерывно воюютъ съ этимъ хищникомъ и инородцы, боящіеся медвѣдя и видящіе въ немъ злого духа.

Постоянно промышляютъ въ лѣсной полосѣ рябчиковъ, куропатокъ, тетеревовъ, глухарей, терепелокъ, утокъ, лебедей, гусей и другихъ птицъ, живущихъ въ урманахъ, прибрежныхъ кустарникахъ и камышахъ. Сибиряки ставятъ огромныя сѣти, силки, стрѣляютъ изъ ружей. Больше всего ловятъ и бьютъ рябчиковъ; приходится штукъ по 200 на каждого охотника въ годъ; продаютъ ихъ по 10—40 копеекъ пары.

Разной птицы ежегодно въ Сибири уничтожаютъ сотни тысячъ, можетъ-быть, миллионы штукъ. Ихъ не только убиваютъ, но даже Ѣздятъ по болотамъ и рѣчнымъ зарослямъ и тамъ собираютъ утиныхъ и гусиныхъ яйца.

Но звѣри и птицы бѣгутъ отъ человѣка, и ему, чтобы ихъ настигнуть, приходится много потрудиться и далеко заходить отъ своихъ деревень и сель. Для удобства русскіе охотники осеню, когда начинается лучшая охота, по нѣсколькоъ человѣкъ соединяются между собою въ артель, запасаясь всѣмъ необходимымъ; берутъ шинтовки, порохъ, свинецъ, топоры и ножи; неизмѣнно лыжи и салазки; съ собою тащатъ провианта на каждого человѣка: одинъ или полтора пуда ржаныхъ сухарей, шесть фунтовъ листового табаку и кирпичъ чая. Одѣваются охотники въ короткіе суконные зилуны, онучи, суконные чулки, бродни и окутываютъ ноги поверхъ всего пропитанными дегтемъ сыроятными кожами. Уходя на промыселъ охотники ставятъ въ лѣсной глухи деревянныя избушки съ плохими печами, которые дымятъ и покрываютъ копотью потолки и стѣны. А если приходится забираться еще дальше и переходить съ мѣста на мѣсто, живутъ они еще хуже; располагаются станомъ, устраивая шалаши изъ жердей и бересты, и отсюда предпринимаютъ свои облавы. По нѣсколькоъ дней и недѣль подъ рядъ охотники спятъ, зарывшись въ снѣгу, каждую минуту подвергая свою жизнь опасности погибнуть или отъ медвѣжьихъ лапъ, или отъ морозовъ и бурановъ; они Ѣдятъ полусырыхъ бѣлокъ и зайцевъ, заболѣваютъ цингой, тифомъ. Многіе изъ нихъ не возвращаются въ станъ, да и ихъ товарищи и не ищутъ; гдѣ

гуть сыскать въ этихъ густыхъ чащахъ и глубокихъ сугробахъ! Всю добычу артель раздѣляетъ между собою поровну и за безцѣнокъ проаетъ скупщикамъ.

Инородцы на охоту уходятъ семьями, съ женами и дѣтьми, везя на саняхъ, сбаками, всю свою утварь. Это еще лишняя обуза въ дѣлѣ; зато женщины инородческія охотятся не хуже мужчинъ и прекрасно стрѣляютъ изъ ружей. Много помогаютъ инородцамъ ихъ охотничьи собаки, которые на каждого звѣря лаютъ особымъ образомъ и показываютъ этимъ своему хозяину, за кѣмъ ведутъ охоту.

Лѣсъ кормить крестьянъ не только своимъ населеніемъ — животнымъ царствомъ; его густыя нетронутыя заросли представляютъ въ себѣ цѣнныя, неисчерпаемыя богатства строевого материала и топлива; лѣсъ особенно необходимъ въ этихъ суровыхъ краяхъ, гдѣ зима длиннѣе лѣта, а ея морозы жестоки и трескучи.

Села и города, лежащіе въ лѣсной полосѣ и въ соседнихъ южныхъ областяхъ, постоянно нуждаются въ деревѣ для постройки новыхъ зданій и отопленія; сильно поглощаетъ лѣсъ желѣзная дорога; пароходы отапливаются дровами и сжигаютъ ихъ видимо-невидимо. Все дерево идетъ изъ лѣсной полосы, потому что въ земледѣльческой лѣса уже все сведены. Поставка лѣсного материала даетъ работу многимъ нуждающимся местнымъ жителямъ. Вдоль рѣкъ поставлены лѣсные склады и запасные магазины, куда свозятся изъ глубины урмановъ дрова и лѣсъ. Заготовка — дѣло рискованное и берутся за него только зажиточные крестьяне или промышленники, которые и берутъ съ него главный барышъ, но,

въ качествѣ дроворубовъ, пильщиковъ и т. д. на лѣсныхъ промыслахъ работаетъ всякий. Вблизи отъ большихъ городовъ крестьяне и на свой рискъ возятъ въ городъ возы дровъ. Такъ дѣлаютъ, напримѣръ, деревенскіе жители около Томска, зарабатывая такимъ путемъ въ годъ лишнихъ 50 р. на каждый дворъ.

Въ урманахъ, стоящихъ недалеко отъ человѣческихъ селеній, добываютъ смолу, деготь, уголь, собираютъ ягоды—бруснику и клюкву. Смолу выкуриваютъ изъ березы, растущей по опушкамъ, но, главнымъ образомъ, изъ смолистыхъ частей сосновыхъ деревьевъ. Деготь гонять въ ямахъ, почти нигдѣ не ставя печей. Бруснику выходятъ искать въ августѣ, собираясь цѣлой деревней въ одинъ и тотъ же день; родится она въ сосновыхъ борахъ, очень хорошо, и въ урожайные годы собираютъ на семью отъ 80 до 100 пудовъ ягоды, стоящей на мѣстѣ 50—80 к. пудъ; отсюда ее въ замороженномъ видѣ отправляютъ на югъ; чрезъ 7—8 лѣтъ брусничникъ опаливаютъ, чтобы ягода родилась лучше. Клюкву ищутъ въ моховыхъ болотахъ урмана.

Но самое прибыльное занятіе доставляютъ сибиряку кедровыя рощи—кедровники. Въ нихъ крестьяне во множествѣ добываютъ кедровые орѣхи. Сборъ орѣховъ происходитъ по всей Сибири, но больше и удачнѣе всего этимъ промысломъ занимаются въ лѣсной полосѣ Западной Сибири. Населеніе здѣсь гуще, чѣмъ въ восточной, и истреблять орѣхи хищно, какъ попало, уже невозможно.

На сучьяхъ кедроваго дерева сидятъ большія шишкі, полныя маленькими, черными орѣшками съ маслянистымъ бѣлымъ ядромъ. Это и есть

кедровые орѣхи. Сибиряки очень любятъ эти орѣшки, которые для нихъ то же, что для российскихъ жителей подсолнухъ. Тамъ орѣховъ грызутъ такъ много и постоянно, ими щелкаютъ такъ ловко, что называютъ это занятіе „сибирскимъ разговоромъ“.

Кедровники принадлежать казнѣ, но между ними есть и такие, которыми владѣютъ крестьяне и инородцы; у каждого свои. Сибиряки своими кедровыми рощами распоряжаются сообща всѣмъ селомъ, а то и нѣсколькими селами за разъ, если кедровники очень велики. Инородцы же дѣлятъ рощи между родами и семьями. Кедровые лѣса бываютъ иногда огромны, раздѣляясь между собою трудно проходимыми болотами; есть кедровники, занимающіе сплошь до 10.000 десятинъ.

Собираютъ орѣхи иногда нѣсколько разъ въ годъ. Въ опредѣленное время, начиная съ конца июля или начала августа, цѣлые деревни: и мужики и бабы, и старь и малъ, верхомъ и пѣшкомъ, большими караванами двигаются въ кедровники, запасшись колотушками на длинныхъ шестахъ. Этими колотушками сибиряки стучать по древеснымъ стволамъ; отъ ударовъ содрогаются кедры, покачиваются ихъ раскидистыя вершины и сыплются съ нихъ спѣлые шишки.

Но стволы кедровъ бываютъ очень высоки, и приходится людямъ иногда лѣзть наверхъ, чтобы ударъ достигъ до вершины и расшаталъ вѣтви. Забираются по ровному кедровому стволу съ помощью деревянныхъ крючковъ—„кошекъ“, надѣваемыхъ на ноги; этотъ способъ добычи кедровыхъ орѣховъ называется „лазомъ“. Онъ очень опасенъ, и не мало такихъ лазоковъ обрывается

сверху и разбивается о землю вдребезги. Съ дерева на дерево перебираются, часто не слѣзая внизъ, а зацѣпляясь за сучьясосѣднихъ кедровъ. Въ то время какъ одни сшибаютъ шишки, а другіе ихъ подбираютъ, треты строятъ шалаши-амбары, куда собранныя шишки и сносятъ. Тамъ онѣ слегка загниваютъ, какъ говорятъ сибиряки, „портятся“, чтобы орѣхи можно было легче выбить валькомъ изъ шелухи шишекъ. Отвѣянные орѣхи или выносятся изъ лѣсу въ мѣшкахъ, или лежать на мѣстѣ до зимы, когда ихъ и вывозятъ на саняхъ. Дома ихъ моютъ и просѣиваютъ. Сборъ идетъ мѣсяца два. Поздно осенью шишки опадаютъ сами, а весною ихъ подбираютъ.

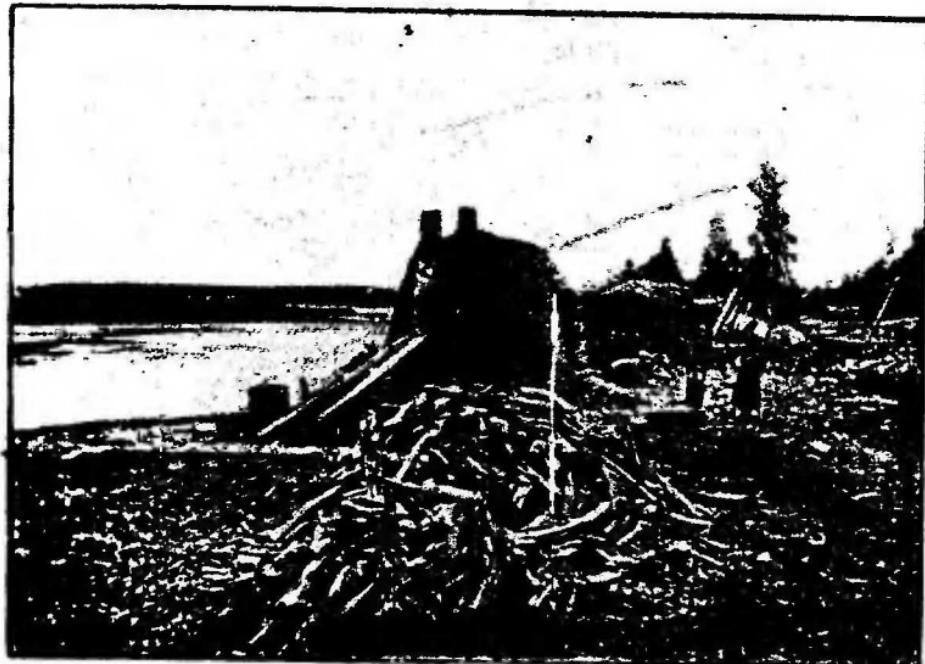
Въ хорошіе, какъ говорятъ, „орѣшніе“, годы каждый лазокъ съ двумя помощниками собираетъ до 100 пудовъ орѣховъ; на каждый дворъ вообще приходится пудовъ 50, а при большой семье такъ и 100. Весь собранный орѣхъ, который не идетъ на домашнее употребленіе, продаютъ скучицамъ. Они всѣми силами стараются понизить цѣну, но все-таки плата стоитъ хорошая: отъ 1 р. 80 к. до 3 р. 50 к. за пудъ. Чѣмъ дальше къ востоку, тѣмъ орѣхи цѣнятся дороже, но добываютъ ихъ больше, почему и заработокъ отъ нихъ становится еще прибыльнѣе. Ежегодно въ лѣсной полосѣ собираютъ тысячу триста пудовъ орѣховъ, больше чѣмъ на миллионъ рублей. Многія кедровыя рощи до сихъ поръ еще остались сибирякамъ неизвѣстны, потому что добраться къ нимъ очень трудно, нѣть никакихъ дорогъ. Но кедровые сборы не всегда бывають одинаково доходны; большие урожаи орѣховъ случаются одинъ разъ въ 10—15 лѣтъ. Въ послѣдніе годы неурожай сдѣлались очень

часты. Кедровники еще давно начали рѣдѣть, потому что сибиряки прежде, добывая орѣхи, рубили всѣ деревья подъ рядъ; хотя теперь этотъ хищническій способъ въ Западной Сибири почти оставили, но рощи гибнутъ отъ другихъ причинъ; прежде всего отъ частыхъ пожаровъ. Шишки выклевываетъ птичка-кедровка подъ на-
званиемъ „ронжа“; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шишка держится на вѣткахъ очень слабо, она спада-
еть на землю, гдѣ ее истребляютъ различныя животныя, потому что до орѣховъ лакома не одна бѣлка.

Кедровымъ промысломъ занимаются и русскіе и инородцы, потому что онъ очень легокъ и вы-
годенъ. При сборѣ орѣховъ всѣмъ находится дѣло: и мужчинамъ и женщинамъ, и старикамъ и дѣтямъ. Если бы имъ занимались какъ под-
собнымъ дѣломъ, то это было бы очень хорошо и облегчало бы крестьянское хозяйство, но въ погонѣ за легкой наживой сибиряки совсѣмъ забрасываютъ землю и занимаются только кедров-
никами. Это ремесло портить населеніе, потому что пріучаетъ къ безпечности въ надеждѣ на легкую, богатую добычу; сибиряки втягиваются въ долги и отвыкаютъ отъ серьезного прилеж-
наго труда. Промѣнивая земледѣліе на кедровый промыселъ, крестьяне совершаютъ плохую сдѣлку, потому что земля хоть и не такъ богата възна-
 граждаетъ за трудъ, зато отъ нея доходъ болѣе вѣргий и правильный. Сборщикъ же орѣховъ всегда находится въ рукахъ случая, и можетъ случиться, что при неурожаѣ онъ не получить и одного рубля заработка.

Какъ въ лѣсистыхъ частяхъ земледѣльческой, такъ и въ лѣсной полосѣ крестьяне занимаются

кустарнымъ ремесломъ. Изготавлиаютъ деревянныя издѣлія: телѣги, мебель и проч. Всюду въ лѣсной полосѣ распространено рогожно-мочальное производство. Въ мѣстахъ, богатыхъ кедромъ, приготавлиаютъ масло изъ кедровыхъ орѣшковъ. Хорошо идетъ продажа сѣтей и другихъ снастей, необходимыхъ для рыболовства, потому что въ лѣсной

Смолокуреніе.

полосѣ и особенно въ събѣдней съверной — въ полосѣ тундры живетъ масса рыболововъ.

Рѣки лѣсной полосы богаты рыбой. Многія инородческія племена, живущія по Оби, только и занимаются рыболовствомъ, но большинство населения примѣшиваютъ рыболовство къ охотѣ и къ другимъ занятіямъ. Только на крайнемъ съверѣ лѣсной области въ нижнемъ теченіи Оби, гдѣ невозможно уже земледѣліе, а охота пропа-

даетъ съ уменьшениемъ лѣсовъ и травъ, и въ полосѣ тундры рыболовство—самый серьезный, а иногда и единственный промыселъ населенія.

Все, что послѣ огромныхъ трудовъ, лишений и опасностей удается сибиряку и инородцу раздобыть отъ суровыхъ урмановъ и тайги, въ концѣ концовъ, попадаетъ въ руки скупщиковъ и куп-

Приготовление корзинъ изъ сосновой дранки.

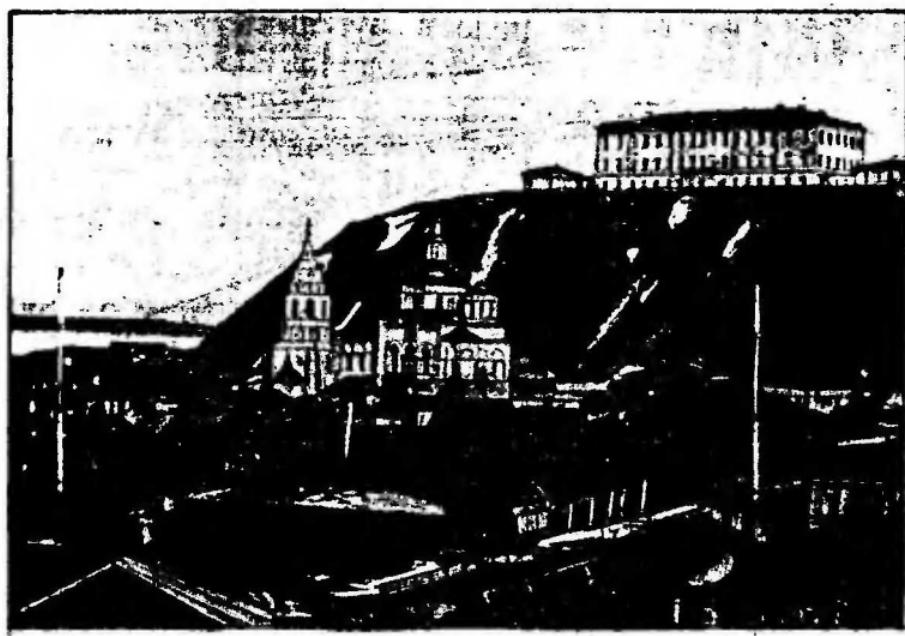
цовъ. Такъ какъ дороги въ лѣсной полосѣ совсѣмъ плохія, — во многихъ мѣстахъ люди сообщаться между собою могутъ только въ нѣкоторыя времена года, а остальное время сидятъ отрѣзанные отъ всего міра; наконецъ и пароходы по рекамъ ходятъ кое-какъ, а ихъ хозяева не только что съ товаромъ, но и съ пассажирами совсѣмъ не церемонятся, — поэтому сибиряки не могутъ оградить себя отъ произвола и хищничѣ-

ства купцовъ и продаютъ свой товаръ за безцѣнокъ. Если скучищикъ самъ не явится къ охотнику или не пріѣдетъ на ярмарку и не скупить товаръ, то его промышленнику все равно сбыть съ рукъ некуда. Купцы проникаютъ во всѣ уголки урмановъ и забираютъ оттуда всѣ богатства лѣсной Сибири; на пароходахъ, лодкахъ и саняхъ разъѣзжаютъ представители крупныхъ купцовъ и мелкіе скучищи и сбиваются, сколько могутъ, цѣну на товары. Сами звѣропромышленники-охотники давно уже въ долгу у скучищиковъ; они забрали у купцовъ впередъ въ счетъ будущей добычи за дорогую цѣну порохъ, патроны, соль, одежду и другое припасы, необходимые въ хозяйствѣ, которыми торгуютъ скучищи. Особенно тяжело приходится инородцамъ, которыхъ еще обманываютъ самымъ наглымъ образомъ. Въ концѣ концовъ, сами труженики-звѣропромышленники попадаютъ въ полную кабалу пауковъ-купцовъ.

Сидя гдѣ-нибудь въ Томскѣ или Тобольскѣ, купцы вытягиваютъ къ себѣ все, что добыто трудомъ и лишениемъ чужихъ рукъ, и везутъ продавать свой выгодный товаръ на Ирбитскую ярмарку и въ Москву, откуда отправляются сибирскія богатства за границу. Чрезъ одинъ Челябинскъ, станцію Великой Сибирской желѣзной дороги, въ 1899 г. провезли въ Россію 66.000 пудовъ битой дичи и 102.000 пудовъ кедровыхъ ореховъ, — а это еще для нихъ былъ неурожайный годъ! Кроме того, часть товаровъ, особенно пушной, шли мимо желѣзной дороги по сибирскимъ рѣкамъ чрезъ Тобольскъ и Тюмень, оттуда по желѣзной дорогѣ въ Пермь и дальше рѣчнымъ путемъ по Россіи.

Плохія дороги мѣшаютъ населенію лѣсной области воспользоваться выгодами сибирскаго желѣзнодорожнаго пути и, миновавъ крупныхъ купцовъ, сразу обратиться къ покупателямъ въ Россіи и за границей, какъ это дѣлаютъ уже сибиряки, живущіе въ земледѣльческой по-лосѣ.

Тобольскъ.

Лѣса теперь съ каждымъ годомъ уменьшаются. Они сгораютъ, падаютъ подъ топоромъ земле-дѣльца и лѣсопромышленника. Охота становится труднѣе и рискованнѣе; звѣри мрутъ отъ голода или, скрываясь отъ истребленія человѣкомъ и пожаромъ, отступаютъ къ востоку въ такую глушь, куда охотнику съ его ружьемъ и силкомъ уже не пробраться. Исчезаютъ кедровники и чаще

становятся неурожай ореховъ. Вмѣстѣ съ гибелю лѣсовъ и животныхъ падаютъ и промыслы населенія лѣсной полосы Западной Сибири.

3) Населеніе: русскіе, инородцы, вогулы, остыки. Положеніе инородцевъ.

Въ лѣсной полосѣ русскихъ живеть уже немного. Русскіе переселенцы — это земледѣльцы; поэтому они и заняли южныя степныя мѣста по обѣимъ сторонамъ теперешней желѣзной дороги, гдѣ для хлѣбопашества былъ недавно еще полный просторъ. Тамъ они, вытѣснивъ инородцевъ къ сѣверу, стали полными хозяевами и работниками на землѣ. Совсѣмъ иное дѣло въ лѣсной полосѣ; здѣсь тайга и урманы, въ которыхъ земледѣльцу, да еще плохому и темному, какъ нашъ русскій переселенецъ, дѣлать почти нечего. На югѣ лѣсныхъ пространствъ они еще кое-какъ хлѣбопашествуютъ, вырубая деревья и осушая болота; но эта тяжелая работа вообще имъ не по плечу. Да и то одна земля не прокормить крестьянина.

Поэтому русскому населенію лѣсныхъ пространствъ выгоднѣе устроиться иначе. Если они выживали инородцевъ съ юга, занимая ихъ землю, то тутъ русскіе стараются извлечь пользу отъ сосѣдства съ инородцами. Иногда цѣлые деревниѣѣздятъ къ инородцамъ и скапаютъ у нихъ товаръ, сильно наживаясь на ихъ счетъ. Въ рукахъ русскаго населенія и ружья съ порохомъ, и всякия соблазнительныя для совсѣмъ темныхъ инородцевъ товары, и главное — водка. Владѣя всѣмъ этимъ, русскіе сдѣлались на сѣверѣ Западной Сибири полными хозяевами труда и

даже жизни инородцевъ; тутъ русскіе уже не столько хозяева-работники, подобно тому, какъ это мы видѣли въ земледѣльческомъ краѣ, сколько хозяева-притѣснители.

Земледѣльцы лѣсной полосы уже не пользуются тѣмъ достаткомъ, который выпалъ сибирякамъ со сѣдней южной полосы. Хотя мѣстное хлѣ-

Новоселы въ лѣсной мѣстности.

бопашество и ровнѣе, безъ большихъ неурожаевъ, но оно не прокармливаетъ крестьянъ, и они становятся промысленниками. Русскимъ приходится близко подходить къ инородцамъ, перениматъ у нихъ приемы борьбы съ суровой природой, учиться хитрить съ осторожнымъ звѣремъ, выслѣживать его и ловить. Чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ больше русскіе занимаются лѣсными промыслами.

Характеръ сибиряковъ лѣсной полосы болѣе суровый и предпріимчивый, чѣмъ у степныхъ жителей Сибири. Отъ продолжительной жизни въ лѣсахъ и отъ постоянной борьбы съ природой и малоплодородной землей коренное сибирское населеніе этой полосы стало грубымъ и настойчивымъ. Часто обманывая инородцевъ, сѣверные сибиряки привыкли вообще къ хитрости и осторожности въ обращеніи, которая стала ихъ главнымъ качествомъ. Русское населеніе, поддаваясь вліянію инородцевъ, начало отвыкать отъ многихъ привычекъ и потребностей, свойственныхъ ему прежде. Въ Сургутѣ, одномъ изъ городовъ лѣсной полосы, сибиряки не знаютъ, какъ пилить бревна, а женщины и понятія не имѣютъ о пряжѣ. О хлѣбопашествѣ тамъ слышали по рассказамъ, и одному путешественнику сургутяне говорили: „Всю жизнь хлѣбъ єдимъ, а не знаемъ, изъ чего мука дѣляется!“ Но вліяніе близости къ инородцамъ сказалось не только въ характерѣ, но и въ бытѣ, даже внѣшній видъ, отъ частаго смѣшенія русской крови съ инородческой, измѣнился мѣстами очень замѣтно. Потомство у русскихъ получается смуглое, черноволосое и черноглазое, хотя иногда съ очень пріятными и даже правильными чертами лица. И чѣмъ дальше въ глушь, тѣмъ замѣтнѣе мѣняется видъ сибиряка. Въ Западной Сибири русскія лица съ инородческимъ видомъ называются „калмыковатыми“.

Въ лѣсной полосѣ города становятся совсѣмъ рѣдки, и при этомъ они очень мало отличаются отъ деревень. Нарымъ, Сургутъ и Березовъ—вотъ и всѣ города лѣсного края; изъ нихъ Березовъ лежитъ даже на границѣ между лѣсами и тундрами. Сургутъ, напримѣръ, представляеть изъ

себи горсточку почернѣвшихъ отъ времени домовъ, пріютившихся на обрывистомъ берегу Оби, вокругъ ветхой небольшой православной церкви. Вотъ и все! Ничѣмъ отъ Сургута не отличаются и Нарымъ съ Березовымъ; это тѣ же запущенныя, глухія села, куда нѣсколько разъ въ годъ сѣзжаются инородцы и окрестные жители для закупки товаровъ и продажи пушнины или рыбы. Для этого въ Сургутѣ устраивается ярмарка. Нарымъ во время наводненій заливается водой и по улицамъ жители ѿздаются на лодкахъ.

И здѣсь, въ лѣсной полосѣ, какъ и во всей Западной Сибири, русское населеніе растетъ и распространяется по рѣчнымъ берегамъ, клиномъ проникая между лѣсами и дебрями, гдѣ перемѣжается съ инородческими поселками.

Первые инородцы, съ которыми прежде другъ стоялъ Ермакъ, были вогулы. Они и прежде и теперь ближе всѣхъ живутъ къ Россіи по склонамъ Уральскихъ горъ лѣсной полосы. Всего ихъ около 5.000 человѣкъ.

Вогулы средняго роста, коренастаго тѣлосложенія. Ихъ лица круглыя и скулы нѣмного выступаютъ впередъ; носы хотя и широкіе, но не плоскіе какъ у татаръ. Глаза круглые и не маленькие; волоса темно-русые, даже бывають синѣтлые; вогулы часто заплетаютъ ихъ въ косы. Вся ихъ приземистая фигура, съ слегка кривыми ногами, производить бодрое, здоровое впечатлѣніе. У нихъ нѣть и слѣда той вялости, которая проглядываетъ въ каждомъ движеніи другихъ инородческихъ племенъ Западной Сибири.

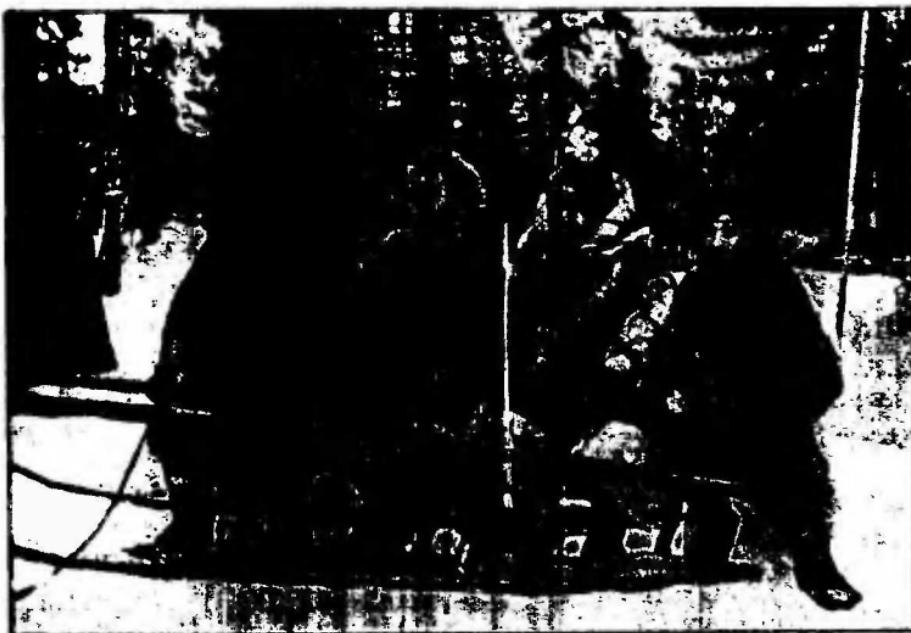
Вогулы—звѣроловы, рыболовы и отчасти оленеводы, но главное ихъ занятіе все таки звѣроловство. Среди инородцевъ они не да-

Бдягъ вогулы лѣсную дичь и рыбу, накладывая пищу въ посуду, сдѣланную изъ бересты. Только для варки идутъ глиняные горшки; вся остальная утварь деревянная.

Вогулы одного происхожденія съ остыаками. Между ними большое сходство. Русскіе знали о вогулахъ еще раньше, чѣмъ Ермаку и казакамъ пришлось выдержать съ ними первое кровопролитное сраженіе. Свое название вогулы получили отъ другихъ сосѣднихъ инородцевъ—зырянъ, на языкѣ которыхъ вогуль значить „дикій“. Но они теперь совсѣмъ уже не такие дикие, какими были раньше. Среди инородцевъ вогулы больше другихъ подпали подъ вліяніе русскихъ и переняли у нихъ много привычекъ и обычаевъ. Хижины свои вогулы начали строить такъ же, какъ и русскіе; внутри имѣется и полъ и потолокъ; въ окна вставляютъ стекла. Безъ хлѣба и безъ соли вогулы, живущіе южнѣ, совершенно обойтись не могутъ. Живутъ они вообще гораздо чище, чѣмъ ихъ сосѣди—самоѣды и остыаки. До сихъ поръ во многомъ они сохранили свои собственные понятия и обычай. Напримѣръ, разстояніе ими измѣряется оленымъ бѣгомъ, т.-е. тѣмъ пространствомъ, которое можетъ пробѣжать олень безъ отдыха; болѣе длинные концы считаются дневнымъ переходомъ на лыжахъ; короткіе промежутки времени мѣрятъ варкой пищи, считая за единицу время промежутокъ, необходимый для того, чтобы сварить въ котлѣ пищу.

Другое племя одного происхожденія съ вогулами—это остыаки. Ихъ насчитываютъ всего въ Западной Сибири около 20.000, изъ которыхъ большая часть поселилась въ лѣсной полосѣ, а остальные—среди сѣверныхъ тундръ. Раздѣляются

остяки на съверныхъ — въ Березовскомъ округѣ, восточныхъ — въ Сургутскомъ и Нарымскомъ и на юго-западныхъ или Иртышскихъ въ съверной части Тобольского округа. Остяки и vogулы при-
надлежать къ угро - финскимъ народностямъ. Когда-то у остяковъ и vogуловъ былъ общій языкъ, но со временемъ онъ у каждого племени слегка измѣнился. Слова произносятъ остяки и

Ляпинскіе vogулы (сзади видны гимги).

vogулы мягко, присвистывая, шепелявя и сю-
сюкая. Остяки говорятъ не на одномъ нарѣ-
чи; въ разныхъ мѣстахъ у нихъ есть свои
небольшія отличія въ произношеніи и словахъ.
Vogулы и остяки часто называютъ себя одинаково — „моинъ“ или „моинъ“. Название „остякъ“ объясняется двоякимъ образомъ: или съ остяц-
каго слова „асылкъ“, что значитъ „народъ Оби“,

или съ татарского слова „уштякъ“, обозначающаго „варваръ“.

Остяки разселились вдоль рѣчныхъ береговъ, по опушкамъ и прогалинамъ; ихъ поселки теперь повсюду встречаются на берегахъ Оби и Иртыша, откуда остяковъ еще не успѣли вытѣснить русскіе. Раньше это племя жило гораздо западнѣе, тамъ, гдѣ теперь остались vogулы. Вѣроятно, и тѣ и другіе попали въ Сибирь изъ Россіи, откуда ихъ очень давно вытѣснили славяне и другія племена, постепенно проникавшія на сѣверъ Европы. Сталкиваясь съ русскими еще за долго до покоренія Сибири, остяки уходили отъ ихъ вліянія. Московскіе священники всегда старались подѣйствовать на восточныхъ язычниковъ и обратить ихъ въ христіанство; миссіонеры ходили къ инородцамъ съ проповѣдью православія. Но язычники бѣжали отъ этихъ пастырей; на Руси во времена московскихъ царей и даже много позже ихъ нравы были такие жестокіе и грубые; люди, даже священники, такъ привыкли къ насилию, что и эти проповѣдники водворяли среди язычниковъ христіанскую вѣру не столько смиренiemъ и примѣромъ, сколько грубой силой. Христіане-русскіе, бывшіе на глазахъ у инородцевъ, вели жизнь распущенную, развратную, совсѣмъ не христіанскую. Когда среди остяковъ пошла татарская проповѣдь магометанства, то она оказалась гораздо счастливѣе христіанства, и инородцы массами переходили изъ язычниковъ въ магометанскую вѣру, такъ что теперь въ Западной Сибири есть много совершенно отатарившихся остяковъ, настолько отатарившихся, что ихъ и за остяковъ никто не считаетъ. Отъ православія же они бѣжали съ Урала все дальше

на востокъ. Это бѣгство еще усилилось съ тѣхъ поръ, когда въ Сибирь двинулись казаки утверждать огнемъ и мечомъ русское могущество въ полночныхъ странахъ.

Съ собою русскіе приносили инородцамъ гибель. Они накладывали на остыковъ такія тяжелыя подати — „ясакъ“, которая отказывались уплачивать даже эти напуганные, беззащитные люди. За „бунты“ и „непокорность“ ихъ, конечно, жестоко казнили. Покорители съ инородцами обращались по-звѣрски, отнимая ихъ имущество силой или нагло обманывая при торговлѣ. Ихъ спаивали водкой, заражали всевозможными болѣзнями, о которыхъ инородцы раньше и понятія не имѣли: оспой, тифомъ, сифилисомъ и такъ далѣе; отъ нихъ остыки гибли массами, гибнуть и до сихъ поръ. Воеводы и правители сибирскіе посылались русскими царями на востокъ съ полной, неограниченной властью; и если надъ русскимъ населеніемъ воеводы и губернаторы чинили насилия, то съ инородцами они обращались безъ зазрѣнія совѣсти. Дѣло доходило до того, что крестившихся инородцевъ брали себѣ въ кабалу точно рабовъ. Много выпало бѣдъ на голову несчастныхъ остыковъ отъ этого ига начальства, проповѣдниковъ, купцовъ, казаковъ и даже простыхъ поселенцевъ.

Теперь остыки — это жалкій, темный и забитый народецъ, покорный своей судьбѣ и готовый переносить все, что бы ни исходило отъ русскихъ. За 100 лѣтъ это племя не двинулось ни на шагъ впередъ.

Большинство остыковъ на бумагѣ считаются христіанами, а на самомъ дѣлѣ всѣ они сохранили свои прежніе языческіе обычай и суевѣрія.

Остяки-православные не только не знаютъ главныхъ христіанскихъ догматовъ и не понимаютъ, во что это они вѣрятъ, но даже не исполняютъ необходимыхъ требъ: ни крещенія, ни брака, ни погребенія. Церкви и священники обыкновенно далеко отъ остяковъ, такъ что и при желаніи имъ трудно быть исполнительными христіанами. Священники сами разъѣзжаютъ среди остяковъ, совершая за разъ всѣ требы надъ давно родившимися, давно женившимися и давно умершими;

Остяки Березовского округа.

и эти объѣзды священники главнымъ образомъ кианты сборомъ поборовъ, при чмъ остяки всѣми силами стараются обмануть своихъ пастырей и всунуть имъ бѣлку съ попорченной шкуркой и т. д. Не соблюдая христіанскихъ обрядовъ, остяки сохранили свои языческие и смѣшили ихъ съ православными; еще въ старину за новокрещенными инородцами сибирское начальство устраивало надзоръ, но какъ эти сыщики-надзиратели ни стояли и къ какимъ насилиямъ ни прибѣгали —

это все плохо помогало. И до сихъ поръ въ убогой головѣ осяка все перемѣщалось, и язычество и христіанство. Если поразспросить самыхъ смѣтливыхъ среди осяковъ, то окажется, что ихъ вѣра заключается въ слѣдующемъ.

Медвѣдь—это сынъ божій, свергнутый съ неба за гордость. Онъ упалъ на землю голымъ и долго пролежалъ между деревьевъ на одномъ мѣстѣ не шевелись; такъ долго онъ лежалъ, что, наконецъ, все его тѣло обросло волосами. Видя все это, богъ, наконецъ, сказалъ: „Будетъ тебѣ лежать, ходи хоть медвѣдемъ“. Съ тѣхъ поръ сынъ божій и сдѣлался медвѣдемъ, царемъ сибирскихъ чащъ. Встрѣчаясь съ человѣкомъ, медвѣдь подымается на заднія лапы и спрашиваетъ у бога, нужно ли этого человѣка задавить? Осяки считаются медвѣдя всевѣдующимъ и всеслышающимъ, и говорятъ шопотомъ, когда хотятъ что-нибудь отъ него скрыть. Слово „медвѣдь“ они боятся произносить, называя въ свойѣ разговорахъ медвѣдя „онъ“; совсѣмъ такъ, какъ у насъ иногда въ темныхъ деревняхъ говорятъ о нечистой силѣ. Самыя страшныя клятвы осяковъ произносятся на медвѣжьей лапѣ, медвѣжьимъ именемъ: „Если я не правъ,—говорятъ осяки,—пусть медвѣдь задеретъ меня“. Когда московскіе цари хотѣли окончательно покорить себѣ осяковъ, то они заставляли ихъ клясться на медвѣжьей шкурѣ. Клятвопреступникъ твердо уверенъ, что ему не миновать желѣзныхъ объятій медвѣдя, поэтому онъ боится уходить далеко въ лѣсъ и живеть подъ страхомъ наказанія.

Молитвы инородцевъ очень простыя: „Золотой богъ, мать и отецъ, мнѣ звѣря пошли“. Вотъ и все, о чёмъ просить осякъ.

Представленія о загробной жизни у остыаковъ тоже смутны и первобытны. Они предполагаютъ, что человѣкъ послѣ смерти будетъ нуждаться въ тѣхъ же предметахъ, которые ему необходимы и въ земной жизни. Думая такъ, остыаки кладутъ въ гробъ къ своимъ покойникамъ одежду, охотничыи принадлежности, лыжи, чайникъ, пищу, также „обласокъ“, т.-е. чепнокъ, на тотъ случай, если покойникъ вздумаетъ вернуться къ земль живымъ родственникамъ. Всѣ эти вещи кладутся самого хорошаго качества. Дѣти страшно боятся, что ихъ отцамъ будетъ неудобно путешествовать на томъ свѣтѣ и они за это отомстятъ оставшимся въ живыхъ, потому что тамъ ничего уже нельзя будетъ купить, и купцовъ не встрѣтить. Чтобы покойникамъ легче было прорубаться чрезъ горы и чащи, имъ на грудь кладутъ ногти, обстриженныи при жизни. Эти языческие обряды исполняютъ даже тѣ остыаки, которые постоянно живутъ околорусскихъ и по вѣнчаности стали какъ будто совсѣмъ настоящими христіанами.

Вогулы и остыаки считаютъ высшаго бога недоступнымъ для себя, поэтому они въ своихъ молитвахъ-жертвоприношеніяхъ обращаются къ меньшимъ богамъ, духамъ. Этихъ духовъ множество; всѣ они живутъ на землѣ повсюду, и въ животныхъ, и въ деревьяхъ, и въ камняхъ. Поэтому остыаки устраиваютъ свои моленія предъ животными, деревьями и сдѣлаными идолами въ священныхъ мѣстахъ. Мѣста своихъ молитвъ они стараются скрывать отъ русскихъ. На святые предметы, напримѣръ, деревья, навѣшиваютъ цвѣты, тряпочки, кладутся моцеты, чай и проч. Предъ ними убиваютъ оленей, лошадей и съѣ-

дають ихъ мясо тутъ же послѣ жертвоприношения. Остятскія моленья и жертвоприношенія бываютъ очень часто; они молятся, собираясь вмѣстѣ нѣсколькими семьями и порознь. Во время общественныхъ служеній своимъ духамъ остяки стараются узнать, хороши ли будутъ промыслы, или въ чемъ заключается причина ихъ неудачъ и несчастій. Предъ началомъ охоты и промысла приносятъ жертвы тѣмъ духамъ, которые хозяинчиваютъ въ лѣсахъ и рѣкахъ; эти жертвы могутъ быть не только убитымъ звѣремъ, но и тряпками, водкой и проч. Остякъ, не принесший ничего въ даръ, съ опаской идетъ на промыселъ: онъ увѣренъ, что его ожидаетъ не только неудача, но даже гибель. Иногда мастерятъ изъ соломы чучело и сжигаютъ его, обливая предъ сожженiemъ водкой; соломенная кукла считается ангеломъ, который въ видѣ дыма взлетить на небо, и тамъ у бога будетъ просить удачи бѣднымъ, обиженнымъ остякамъ. Всѣ обряды и моленья сопровождаются пьянствомъ, которое не только не считается порокомъ, но даже смерть въ пьяномъ видѣ, по ихъ понятіямъ, самая блаженная смерть.

Самымъ главнымъ лицомъ въ языческой религіи и въ ея обрядахъ является шаманъ. Этотъ человѣкъ исполняетъ дѣло священника, и вмѣстѣ съ этимъ остяки считаютъ его святымъ, который только одинъ можетъ имѣть сошеніе съ загробными духами. Шаманъ—и колдунъ и врачъ; къ нему обращаются, когда нужно узнать причину несчастья или пропажи какой-нибудь вещи, когда надо вылечить больного. Съ шаманомъ постоянно имѣютъ дѣло и язычники и крещеные инородцы. Даже русское населеніе обращается иногда за

помощью къ шаману. Шаманами бывають не только мужчины, но и женщины. Всѣ эти жрецы такъ же плохо понимають свою вѣру, какъ и простые остыки.

Свои обряды и молитвы шаманъ совершаеть подъ музыку, съ пѣніемъ и пляской. Въ избѣ, почти среди полной темноты, онъ долго сидить на полу, на бѣлой оленьей кожѣ и неподвижно, взмолявно молится. Почти всегда предъ молитвой шаманъ сѣдааетъ сущеный мухоморъ, который это одурманиваетъ. Остыки и самъ шаманъ воображаютъ, что это сходитъ сила небесныхъ духовъ. Потомъ совершенно тушать огонь и среди жуткаго ожиданья, съ какимъ инородцы благоговѣйно ждутъ окончанія церемоніи, раздается музыка шамана. Онъ сначала тихо и нѣжно наигрываетъ легкую дробь на бубнѣ, точно комаръ журжитъ. Но потомъ все громче и нервнѣе. Дробь растетъ и уже шумитъ какъ буря, раскатывается громомъ, сливается въ одинъ гулъ съ бубенчиками, которые звенять не умолкая. Среди этого шума и треска пронзительно кричитъ шаманъ, подражая чайкамъ, воронамъ и другимъ дикимъ птицамъ. Нѣсколько разъ шаманъ свои заклинанья начинаетъ сначала, пока ему показается, что духъ на него снизошелъ. Тогда шаманъ вскакиваетъ и танцуєтъ по юргѣ среди всѣхъ молящихся инородцевъ, при свѣтѣ вновь раздугатаго костра. Онъ прыгаетъ и кривляется, громко поетъ и безъ-устали бьетъ въ бубень; по его лицу проходять судороги, изъ перекошенного рта бѣжитъ пѣна. Остыки увѣрены, что такимъ образомъ на шамана сходятъ небесные духи, что они сообщаютъ ему все, что нужно: какія причины вызвали болѣзнь, какія жертвы нужны бо-

ромъ слывутъ за первыхъ охотниковъ, прекрасно изучившихъ нравы и уловки животныхъ. Замѣтивъ свою добычу, вогуль ужъ ее никогда не упустить. Большиою силою вогулы похвалиться не могутъ, но зато они выносливы и при всей своей неуклюжести обнаруживаютъ много ловкости и отваги въ погонѣ на лыжахъ за звѣремъ, или во время рыбной ловли въ не-

Вогульская юрта на р. Сосвѣ.

устойчивомъ челнокѣ на гребняхъ волнующейся рѣки. Челноки свои вогулы дѣлаютъ изъ цѣлыхъ стволовъ и осины, выдалбливая ихъ внутренность и распирая поперечными брусьями, чтобы не коробило. Лодки получаются крайне неустойчивыя. Если бы не пьянство, которое среди вогуловъ распространено такъ же, какъ и среди остальныхъ инородческихъ племенъ, то вогулы

были бы еще лучшими звѣропромышленниками. Плютъ не только мужчины, но даже женщины и дѣти.

Вдоль рѣкъ, по возвышеннымъ мѣстамъ, защищеннымъ отъ наводненія, эти инородцы ставятъ свои небольшія деревянныя хижинки-юрты, крытыя корой или тесомъ. Въ нихъ вогулы про-

Лѣтняя берестяная юрта (на р. Вахѣ).

водятъ зиму, а на лѣто перебираются въ юрты-лѣтники, сдѣланныя изъ бересты. Нѣсколько такихъ хижинъ—три-четыре жилища уже составляютъ селеніе, называющееся на языкѣ вогуловъ „поуломъ“. Обыкновенно каждое новое поколѣніе строитъ новую юрту. Такимъ образомъ растетъ „поуль“.

гамъ, чтобы избавиться отъ несчастья. Остятскій шаманъ поетъ въ заклинаніяхъ о томъ, что онъ съ помощью опущенной съ неба веревки подымается туда; звѣзды, которыхъ ему заграждаютъ путь, онъ отстраняетъ; на небѣ шаманъ плаваетъ въ лодкѣ и на ней же потомъ спускается по рѣчкѣ на землю съ такою быстротой, что вихрь пронзаетъ его нас kvозъ; затѣмъ, съ помощью крылатыхъ дьяволовъ онъ опускается подъ землю и вступаетъ въ переговоры съ мрачнымъ духомъ „Ама“—съ матерью шамановъ и устраиваетъ такимъ образомъ людское благополучіе, здоровье и прочее.

Такъ какъ сибиряки и сами подчасъ прибѣгаютъ къ помощи шамановъ, то въ Западной Сибири русскіе нисколько не презираютъ остяковъ за ихъ язычество. Зато остяки искренно считаютъ себя „христіанами“ и сосѣднихъ восточныхъ инородцевъ тунгузовъ считаютъ „нехристями“ и „дикими“, относясь къ нимъ съ открытымъ презрѣніемъ.

Шаманство и почитаніе медвѣдя развито среди всѣхъ инородцевъ-язычниковъ не только Западной, но и Восточной Сибири. Но, несмотря на поченіе и страхъ, съ которымъ относятся къ медвѣжьей породѣ, ее все безжалостно избиваютъ и думаютъ, что этимъ творятъ волю своихъ боговъ.

Если внутри медвѣдя отыщется клубокъ волосъ, думаютъ инородцы, значитъ, онъ задралъ человѣка и за это всю тушу, вмѣстѣ со шкурой, надо бно сжечь. Убивъ медвѣдя, инородцы приносятъ ему жертву, устраиваютъ вокругъ пляску, подражая его движеньямъ. Этого „праздникъ медвѣдя“ существуетъ у всѣхъ инородцевъ. Шкура

убытаго звѣря высоко цѣнится и сохраняется съ почтеніемъ.

Жизнь остяцкая такая же простая и бѣдная, какъ и вѣра. Съ виду остыки очень некрасивы: сутуловатые, низкорослые, тщедушные, съ маленькими ногами и длинными руками. Они очень бѣдны и слабосильны, точно заморены. Носы у остыковъ маленькие и широкие, глаза узкие; выражение лица какое-то задумчивое; съ головы космы спускаются черные, жесткие, всегда нечесанные волосы; такія же космы разсыпаны по плечамъ. Борода и усы не растуть, а если покажется чахлая растительность, то ее обыкновенно выщипываютъ. Всѣ они страшно грязны и почти никогда не умываются. Женщины еще неопрятнѣе мужчинъ и лицомъ на нихъ очень похожи; въ зимнихъ костюмахъ, когда остыки съ головы до ногъ закутаны въ шкуры и видно только одно лицо, мужчину трудно отличить отъ женщины. Не только сами остыки, но даже ихъ юнади, которыхъ вообще они держать очень рѣдко, малы и слабосильны, точно игрушечныя. Ледъ, который свободно выдерживаетъ остыка и его лошадку, трескается подъ русскимъ человѣкомъ.

Остыки—народъ не только слабый, но и вялый, неподвижный. Но когда русскіе брали къ себѣ остыцкихъ дѣтей, кормили, псили и одѣвали ихъ какъ слѣдуетъ, то маленькие остыки крѣпли, поправлялись и становились живыми ребятишками. Возвращаясь домой, они снова худѣли и превращались въ обыкновенныхъ безсильныхъ остыковъ.

Жилища остыковъ очень грязны и бѣдны. Они похожи на хижины вогуловъ, и такъ же, какъ у

нихъ, называются юртами. Остяки ставятъ свои поселки въ 3—4 хижины на возвышенныхъ мѣстахъ и ярахъ, гдѣ не опасно наводненіе. Зимнія юрты бревенчатыя, крытыя дерномъ или деревомъ. Внутри устроены нарьи и при входѣ въ углу, обмазанномъ глиной, примостился очагъ— „чуволъ“; отъ него подъ потолокъ идетъ прямая желѣзная труба, чрезъ которую, въ отверстіе въ крышѣ улетаетъ дымъ; дыра на крышѣ закрывается кускомъ дерна. Полъ земляной, иногда деревянный. Въ стѣнахъ продѣланы маленькия окна, затянутыя пузыремъ или вставленными кусками льда. Лѣтнія юрты строятъ изъ жердей, покрываю ихъ берестой, оставляя вверху дыру для выхода дыма. Во время рыбной ловли на низкомъ, ровномъ рѣчномъ берегу, какъ тамъ называются, на „пескахъ“, остяки ставятъ легкіе шалаши, закрывая ихъ берестянымъ навѣсомъ съ одной стороны. Эти рыболовныя пристанища имѣютъ совсѣмъ нищенскій видъ.

На деревянныхъ крюкахъ на огонь въ чуволѣ подвѣшивается жестяная или глиняная посуда для варки пищи. Ёдять остяки, главнымъ образомъ, сырую и вареную рыбу, сырое мясо убитыхъ животныхъ, похлебку изъ муки, жира и мяса, ржаные лепешки, пить чай. Мука всегда покупная.

Лепешки, напримѣръ, пекутъ слѣдующимъ образомъ: остячка на голой колѣнѣ, прямо на немытомъ тѣлѣ, начинаетъ мѣсить прѣсное тѣсто; каждую лепешку она приклеиваетъ слюнами къ деревянной лопаточкѣ, которую ставятъ надъ огнемъ очага. Когда тѣсто начинаетъ пузириться, повариха, поблевывая на руки, приглашиваетъ лепешку. Во время стряпни остячка тѣми же

руками продолжаетъ ковыряться въ головѣ, вытаскиваетъ оттуда насѣкомыхъ и сжигаетъ ихъ на очагѣ.

Въ жильѣ стоитъ вонючій воздухъ и страшная грязь. Пища часто бываетъ испорченная. Бѣдныи, голодныи остыакамъ не приходится выбирать, и чтобы не умереть съ голоду, онъ радъ даже гнилой пищѣ. Въ Сургутѣ русскіе выбираютъ порченую рыбу за городъ, остыаки же ее подбираютъ и съѣдаютъ. Мясо такъ же, какъ и рыбу, часто ёдятъ сырьимъ. Они очень долго могутъ терпѣть голодъ, но когда добираются, наконецъ, до пищи, то умѣютъ наѣдаться такъ, что дышать силъ не хватаетъ. Голодъ среди остыаковъ царствуетъ постоянно, но иногда онъ бываетъ особенно сильнымъ. Напримѣръ, лѣтъ 12 тому назадъ остыаки вымирали сразу сотнями.

Одѣваются они очень плохо, или добывая себѣ одѣжду у русскихъ, или сшивая ее изъ бѣличьихъ и оленыхъ шкуръ. Путешественники рассказываютъ, что остыаки ходятъ прямо въ лохмотьяхъ.

Вообще остыаки неумѣлы и нехозяйственны. Совсѣмъ взрослые дѣти, неумѣющія заботиться о своихъ выгодахъ. Въ послѣднее время жители некоторыхъ остыацкихъ поселковъ, стоящихъ недалеко отъ русскихъ, начинаютъ подражать имъ нравамъ. Остыаки перенимаютъ русскую одѣжду изъ привознаго фабричнаго товара, строятъ свои избы по нашему образцу. Пиджаки, жилеты и брюки на выпускъ такъ и пестрятъ на инородцахъ. Кое-гдѣ по праздникамъ даже слышны звуки гармоники. Нѣкоторые хозяйственныи остыаки ставятъ амбары для запасовъ и снастей, строя ихъ на высокихъ столбахъ, чтобы защитить отъ звѣрей.

нихъ, называются юртами. Остяки ставятъ свои поселки въ 3—4 хижины на возвышенныхъ мѣстахъ и ярахъ, гдѣ не опасно наводненіе. Зимнія юрты бревенчатыя, крытыя дерномъ или деревомъ. Внутри устроены нарь и при входѣ въ углу, обмазанномъ глиной, примѣстился очагъ— „чуволь“; отъ него подъ потолокъ идетъ прямая желѣзная труба, чрезъ которую, въ отверстіе въ крышѣ улетаетъ дымъ; дыра на крышѣ закрывается кускомъ дерна. Полъ земляной, иногда деревянный. Въ стѣнахъ продѣланы маленькия окна, затянутыя пузыремъ или вставленными кусками льда. Лѣтнія юрты строятъ изъ жердей, покрываю ихъ берестой, оставляя вверху дыру для выхода дыма. Во время рыбной ловли на низкомъ, ровномъ рѣчномъ берегу, какъ тамъ называются, на „пескахъ“, остяки ставятъ легкіе шалаші, закрывая ихъ берестянымъ навѣсомъ съ одной стороны. Эти рыболовные пристанища имѣютъ совсѣмъ нищенскій видъ.

На деревянныхъ крюкахъ на огонь въ чуволь подвѣшивается жестяная или глиняная посуда для варки пищи. Бдятъ остяки, главнымъ образомъ, сырую и вареную рыбу, сырое мясо убитыхъ животныхъ, похлебку изъ муки, жира и мяса, ржаныя лепешки, пить чай. Мука всегда покупная.

Лепешки, напримѣръ, пекутъ слѣдующимъ образомъ: остячка на голой колѣнкѣ, прямо на немытомъ тѣлѣ, начинаетъ мѣсить прѣсное тѣсто; каждую лепешку она приклеиваетъ слюнами къ деревянной лопаточкѣ, которую ставятъ надъ огнемъ очага. Когда тѣсто начинаетъ пузириться, повариха, поплевывая на руки, приглашиваетъ лепешку. Во время стряпни остячка тѣми же

руками продолжаетъ ковыряться въ головѣ, вылавливаетъ оттуда насѣкомыхъ и сжигаетъ ихъ въ очагѣ.

Въ жильѣ стоять вонючій воздухъ и страшная грязь. Пища часто бываетъ испорченная. Бѣдныи, голодныи остыакамъ не приходится выбирать, и чтобы не умереть съ голоду, онъ радъ даже гнилой пищѣ. Въ Сургутѣ русскіе выбираютъ порченую рыбу за городъ, остыаки же се подбираютъ и съѣдаются. Мясо такъ же, какъ и рыбу, часто Ѣдятъ сырымъ. Они очень долго могутъ терпѣть голодъ, но когда добираются, напоисцѣ, до пищи, то умѣютъ наѣдаться такъ, что дышать силь не хватаетъ. Голодъ среди остыаковъ царствуетъ постоянно, но иногда онъ бываетъ особенно сильнымъ. Напримѣръ, лѣтъ 12 тому назадъ остыаки вымирали сразу сотнями.

Одѣваются они очень плохо, или добывая себѣ одежду у русскихъ, или сшивая ее изъ бѣличихъ и оленыхъ шкуръ. Путешественники рассказываютъ, что остыаки ходятъ прямо въ лохмотьяхъ.

Вообще остыаки неумѣлы и нехозяйственны. Совсѣмъ взрослые дѣти, неумѣющія заботиться о своихъ выгодахъ. Въ послѣднее время жители некоторыхъ остыакихъ поселковъ, стоящихъ недалеко отъ русскихъ, начинаютъ подражать имъ правамъ. Остыаки перенимаютъ русскую одежду или привознаго фабричнаго товара, строятъ свои избы по нашему образцу. Пиджаки, жилеты и брюки на выпускъ такъ и пестрятъ на инородцахъ. Кое-гдѣ по праздникамъ даже слышны звуки гармоники. Нѣкоторые хозяйственныи остыаки ставятъ амбары для запасовъ и снастей, строя ихъ на высокихъ столбахъ, чтобы защитить отъ звѣрей.

Въ дикихъ и пустынныхъ краяхъ, гдѣ живутъ остыки, не легко чему-нибудь научиться. Многіе русскіе совсѣмъ не стараются помочь бѣднымъ остыкамъ. Имъ даже выгодно, что инородцыничѣмъ, кромѣ охоты зимой и рыбной ловли и кедроваго промысла лѣтомъ, занимаются не приспособлены. Остыки неумѣлы и темны во всѣмъ. Лѣчатся, напр., они, смазывая жиромъ убитаго оленя больныя мѣста, или же шаманъ прикладываетъ къ нимъ свой ротъ и дѣлаетъ видъ, будто вытаскиваетъ что-то зубами, иногда даже вынимаетъ, червя, кишку или жилу, что должно изображать вытащенную изъ человѣка болѣзнь.

У этихъ инородцевъ нѣть своей азбуки. Они очень любятъ пѣть, но бѣдны и однообразны мотивы ихъ пѣсень, а слова совсѣмъ дѣтскія. Плыветъ себѣ по рѣкѣ остыкъ въ легкомъ, неустойчивомъ обласкѣ, помахиваетъ однимъ весломъ и напѣваетъ:

Лодка моя,
Берегъ мой,
Рѣка моя,
Солнце мое и т. д.

Все, чѣго ни попадается ему на глаза, называетъ своимъ, тянется заунывную ноту и счастливъ. Среди сѣверныхъ кочевыхъ остыковъ многіе занимаются разведеніемъ оленей. Эти инородцы---уже совсѣмъ дикий народъ.

При своей убогости остыки, привыкая къ русскимъ обычаямъ, къ ружьямъ, соли и пороху, страдаютъ нуждаются въ привозныхъ товарахъ, которые имъ доставляютъ купцы и скучиши пушнины, орѣховъ и рыбы. При этомъ инородцы отдаютъ свое добро за безцѣнокъ, главнымъ

образомъ, за водку и табакъ. Русскіе стараются навязывать осякамъ самые ненужные предметы, въ родѣ украшений и духовъ, которыми инородцы совсѣмъ и цѣны не знаютъ, но добыть которое невозможно безъ купцовъ. До чего доходятъ при этомъ обманы, видно по слѣдующему разсказу одного скупщика: „Попалъ онъ въ юрту одного осяка, у котораго ломило ноги. Купецъ далъ ему банку десятикопеечной помады и посовѣтовалъ ею растереть на ночь ноги. Оказалось, что это помогло, т.-е. отъ растиранія боль стихла. Обрадованный осякъ сейчасъ же рассказалъ о своемъ лѣченіи всему поселку. И вотъ къ купцу потянулись всѣ мѣстные инородцы съ просьбой дать лѣкарства. Ловкій торговецъ продалъ всѣ свои помады, духи, мыло, пудру и прочее, проинсывая этотъ безполезный матеріалъ отъ всевозможныхъ болѣзней. Такимъ образомъ за свой товаръ цѣною на 1 р. 50 к.—2 р. онъ получилъ съ несчастныхъ, довѣрчивыхъ осяковъ бѣльчихъ шкуръ на 150 р.!“

Скупщики запутываютъ осяковъ въ долгахъ, выкупая впередь всю будущую пушнину и рыбу. Инородецъ поневолѣ подчиняется тѣмъ цѣнамъ, которыя установилъ купецъ, потому что ему некуда дѣваться съ его товаромъ. Русскіе охотники и рыболовы тоже находятся въ рукахъ у скупщика, но они свои дѣла поправляютъ на инородцахъ, обманывая ихъ въ свою очередь.

Такимъ образомъ осяки, да и вообще всѣ инородцы, страдаютъ вдвое: и отъ мелкихъ русскихъ промышленниковъ и отъ крупныхъ купцовъ.

Въ торговлѣ никакихъ расписокъ не полагается. Берутъ деревянный обрубокъ и настѣкаютъ на

немъ мѣтки—воть и расписка. По такому обрубку имѣютъ и должникъ и заимодавецъ. Остяки и другіе инородцы были такими честными людьми, что за долги отца уплачивалъ сынъ, внукъ и все его потомство. Не уплатить долга считалось позоромъ и грѣхомъ. Кромѣ долговъ, инородцевъ опутываетъ еще водка. Они такъ научились пить, что уже безъ вина жить не могутъ. На весь Нарымскій край, гдѣ живутъ тысячи остяковъ, непьющихъ считаются не больше 60 человѣкъ. Остальные всѣ и мужчины и женщины, даже дѣти, пьютъ и упиваются водкой. Въ маленькомъ городкѣ Сургутѣ, въ какихъ-нибудь полторы тысячи жителей, открыто два винныхъ склада, которые торгуютъ на славу; водочныхъ запасовъ даже не хватаетъ. Купцы вино развозятъ по деревушкамъ и поселкамъ, торгуя имъ, обмѣнивая на товары. Это продѣлываютъ, однако, не только купцы и скupщики, а всякий, кому придется. Вотъ, напр., что рассказываютъ путешественники: идетъ по Оби пароходъ; навстрѣчу въ маленькихъ челнокахъ „обласскихъ“ попадаются остяки. Они окружаютъ пароходъ, входятъ на палубу и предлагаютъ повару парохода стерлядей и другую пойманную рыбу. Поваръ покупаетъ все за нѣсколько рюмокъ водки. Мѣна не обходится безъ криковъ и толкотни; скоро всѣ остяки пьянѣютъ, и вслѣдъ уходящему пароходу, съ качающихся на волнахъ челноковъ, несутся пьяные пѣсни, похожія на вопли.

Остяки не только честны, но и добры. Если у бѣднаго не хватаетъ снастей для рыбной ловли или ружья для охоты, то другіе остяки даютъ на время все необходимое безъ всякаго вознагражденія. Когда пользуются безъ спроса хозяина,

то потомъ отдаютъ ему половину добычи. Остяки очень гостепріимны и весело добродушны. Убийствъ и другихъ преступлений у нихъ бываетъ очень мало, несмотря на то, что водка побуждаетъ людей вообще на драки и другія пьяные безобразія.

За преступленія остяки строго наказываются, потому что считаютъ ихъ наважденіемъ злого духа. Больные и сумасшедшиe совсѣмъ не отвѣчаютъ за свои проступки. Тѣмъ же, кто рѣшился пойти на худое дѣло отъ голода или совершилъ преступленіе нечаянно, прощаются. Всѣхъ пьяныхъ и здоровыхъ судятъ и наказываютъ по своимъ обычаямъ; только за убийство караются по русскимъ законамъ. Виноватый остякъ своимъ раскаяніемъ и исправленіемъ всегда можетъ заслужить себѣ прощеніе. Вообще же это народъ совсѣмъ не жестокій; его обычай, нравы и обращеніе другъ съ другомъ очень мягки.

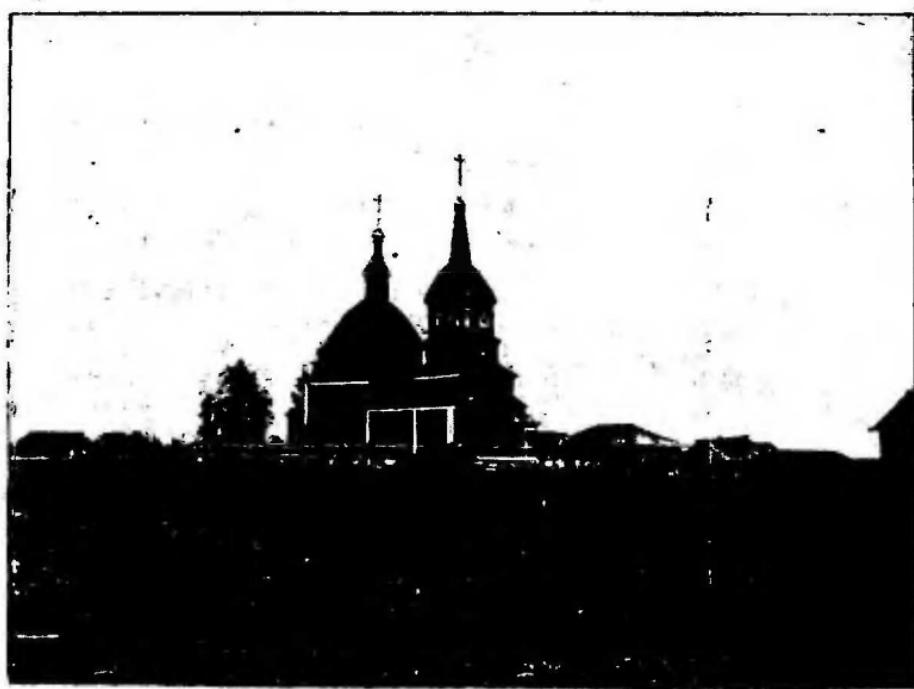
Если въ южной, земледѣльческой полосѣ, гдѣ народу гораздо больше и живутъ, главнымъ образомъ, русскіе, просвѣщеніе стоитъ совсѣмъ плохо, то ужъ здѣсь, въ лѣсныхъ краяхъ, о грамотности населенія почти и говорить не приходится. Ни вогуламъ ни остякамъ недоступно русское чтеніе и письмо, потому что школъ совсѣмъ нѣть. Кое-гдѣ, куда высыпали политическихъ, ссыльные учителя, доктора и студенты пробывали по своему желанію заняться съ ино-родцами, но эти отдѣльныя попытки считать нельзѧ; къ тому же и правительство ихъ стѣсняетъ. Вообще же, даже въ существующихъ инородческихъ школахъ, обученіе русскому языку не ладится прежде всего потому, что и остяцкой-то грамоты не существуетъ, нѣтъ остяцкой азбуки.

Потомъ школьное ученіе плохо идетъ оттого, что оно сразу начинается на русскомъ языке, а русского языка инородческія дѣти не понимаютъ, никогда дома не слышать и привыкнуть къ нему не могутъ. Даже тамъ, где понемногу остыки справляются съ русскимъ нарѣчиемъ, всей пользы школа не можетъ принести, потому что нѣть такихъ книгъ, которые были бы интересны инородцамъ и пріучили бы ихъ къ чтенію. Въ концѣ - концовъ, инородцы замѣтили, что, даже посылая дѣтей своихъ въ школу, где она стоитъ близко, имъ отъ этого получается мало пользы.

Вмѣстѣ съ русскимъ языкомъ плохо прививается остыкамъ и христіанство потому, что до сихъ поръ, точно 300 лѣтъ тому назадъ, нѣть среди инородцевъ хорошихъ русскихъ православныхъ проповѣдниковъ-миссионеровъ. Священники приходятъ къ остыкамъ, не зная ни ихъ языка, ни ихъ нравоѣзъ, ни ихъ обычаевъ. Свою проповѣдь ведутъ по-русски, чрезъ малограмотныхъ, темныхъ переводчиковъ, которые сами-то еле разбираютъ русскую рѣчь проповѣдника. Переводчики, конечно, сильно коверкаютъ въ своей передачѣ ученіе Христа. Но даже и такихъ священниковъ совсѣмъ не хватаетъ среди огромныхъ пространствъ лѣсной полосы и вообще всего сѣверного края Западной Сибири.

Докторовъ и больницъ совсѣмъ мало. Всевозможные болѣзни косятъ сибиряковъ тамъ совершенно свободно направо и налево, доставляя инородцамъ, главнымъ образомъ, большія мученія. Охота на мерзломъ воздухѣ, ночевки среди снѣговъ и бурановъ,—все это вызываетъ всевозможные простуды и ревматизмы. Однообразная, жирная и сырая пища разстраиваетъ желудокъ,

засоряетъ кишкы, способствуетъ заболѣванію глистами и распространяетъ цынгу; болотистые урманы насыщаютъ воздухъ мерзлыми испареніями, отчего среди жителей болотистыхъ мѣстъ постоянно бываетъ перемежающаяся лихорадка. Докторовъ такъ немного, что поспѣть вездѣ, гдѣ въ нихъ чувствуютъ нужду, да еще при плохихъ

С. Максимкинъ-Иръ.

дорогахъ, они окончательно не могутъ. Инеродцы не боятся русскихъ врачей и часто сами обращаются за помощью и лѣкарствомъ, если имъ удается встрѣтиться съ докторомъ. Но чаще по неволѣ лѣчатся у шамановъ, которые часто являются единственными спасителями изъ дикихъ урманахъ лѣсной полосы. И не одни инеродцы, а и русские подчасъ спрашиваютъ совѣтовъ у язы-

ческихъ знахарей, а иначе пришлось бы умирать безо всякой помощи. Во время большихъ заразныхъ заболеваний люди тамъ мрутъ сотнями, особенно остыаки, которые исчезаютъ прямо таки на глазахъ. Напр., за 50 лѣтъ въ Нарымскомъ краѣ остыакое населеніе успѣло уменьшиться вдвое. Одинъ путешественникъ натолкнулся на цѣлое становище, изъ котораго бѣжало все населеніе при появлении оспы, оставивъ на произволъ судьбы умирающихъ и больныхъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
О присоединеніи Сибири и ея прошломъ	3
Общій обзоръ	13
Земледѣльческая полоса	28
1. Поверхность, климатъ, растенія и животныя	—
2. Почва, переселеніе, сельское хозяйство	40
3. Скотоводство и маслодѣліе, фабричная и кустар- ная промышиленность, вдіяніе желѣзной дороги, торговля, пути сообщенія, второстепенные про- мысли и наемный трудъ	58
4. Населеніе городъ и деревня, старожилы пер- седенцы, ссылочные: татары, евреи, иностранцы .	74
Лѣсная полоса	96
1. Урманы и тайга, болота, климатъ, почва и зе- мледѣліе	—
2. Звѣри и птицы, охотничыи и лѣсные промысли, скучищи, падение промысловъ	113
3. Населеніе: русскіе, инородцы, ногуды, остыки; по- ложеніе инородцевъ	130
Полоса тундры	157
1. Тундра зимой и лѣтомъ, растительность, почва и климатъ	—
2. Животныя тундры, олень и собака, рыбы и рыб- ные промысли, скучищи и торговля	165
3. Положеніе русскихъ, самоѣды, зыряне, разореніе и вымирание инородцевъ	194